

УТИЛЬ II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В.И. Верховглаз

18+

В.И. Верхоглаз

Утиль II

Серия «Пограничная кровь», книга 2

<https://litres.ru/74431184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мистер Вэбер не верит в чудеса.

Но, когда очередной штурм базы Нового Рассвета заканчивает поиски того, кто пропал шестьдесят лет назад, Ассоциации приходится признать неудобную вещь: чудеса случаются. Вопрос только в том, хорошо это или плохо.

Долгие годы Виктор был инструментом врага, даже не осознавая этого. Теперь, когда Новый Рассвет тестирует сыворотку смерти на целых деревнях, а до городов остаются считанные недели, Ассоциация ищет ответное оружие: антидот, которого не существует, союзников, которым нельзя доверять, и время, которого не осталось вовсе.

У этой войны есть лицо и имя – и оба принадлежат Светочу, который очень долго оставался в тени. А на пути у него – вампиры, вернувшиеся из мёртвых, демоны, пытающиеся вырваться из сделок, учёные, ставшие оружием, и отряд отбросов, возомнивших себя героями.

Проблема одна – в этой войне не может быть победителей.

Тёмное городское фэнтези с научно-фантастическими элементами, прямое продолжение книги «Утиль».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	53
Глава 3	106
Конец ознакомительного фрагмента.	128

В.И. Верхоглаз

Утиль II

Глава 1

Сознание приходило медленно. Он ощущал, будто выныривает из глубины воды – холодной, беспощадной, тёмной, и плывёт к мерцающему свету, который был там, наверху.

Зима в Паст-Эйне всегда была несколько странной для него. Столица Блэсил больше всего напоминала климатом Кастаэрию, потому что находилась в глубине острова, но в Скагэ, прибрежном городке, где жил его дед, всё было совсем иначе – прохладное лето, напоминавшее скорее застывшую позднюю весну или раннюю осень, растянувшееся на пять месяцев, и относительно тёплая зима. Одним словом, мягкий морской климат, слишком далёкий от резко континентального, к которому привыкаешь, живя в Кастаэрии.

А ещё одной отличительной чертой был океан – в Кастаэрии были портовые города, но даже они ощущались иначе. Ведь Паст-Эйн, как и Граусия, не пытался подчинить себе мир – эти страны учились жить с ним в этой необычной, дикой, почти первобытной гармонии. И потому океан здесь был не ресурсом, не способом транспортировки грузов – он был бушующей, необузданной мощью природы, во всей её пуга-

ющей красе, непредсказуемым соседом, который может быть благосклонным, а в следующую минуту разъярённой кошкой броситься на берег, смывая всё на своём пути.

Не сказать, что он не любил океан таким. Скорее, оставался к нему равнодушным, настолько, насколько это было возможно, живя в непосредственной близости. Зато он питал тёплые чувства к небольшому озеру, находящемуся в глубине леса, потому что оно парадоксально напоминало о доме.

Пресная вода не бушевала, она молчала и понимала, принимая его таким, какой он есть, как мать принимает своё дитя. И потому он не чурался нырять в него даже зимой, когда температура падала почти до нуля, но вода ещё не покрывалась льдом, застыв в ожидании скорых оков холода.

Он прыгал с разбегу, прямо со скалы, и летел вниз камнем, а когда вода пробирала его до самых костей... в эти моменты он словно чувствовал себя живым. Редкое ощущение для вампира, пусть и для живорожденного.

Морган, в те редкие минуты, когда им выпадал шанс поговорить по душам, признавался, что уже очень давно не помнит, какого это – быть человеком. Но его глаза всегда выдавали эту странную, туманную тоску по прошлому. Если, конечно, знать, куда смотреть, чтобы её разглядеть.

Все, что выучил для себя Виктор из их коротких разговоров – вампиры не хотят говорить о том времени, когда они вампирами не были. В основном из-за того, что они были совершенно другими при жизни, но у кого-то в той жизни

было и много слишком болезненного, то, о чём не хочется вспоминать, когда ты давно сильный и кровожадный.

Он мог это понять. Чисто в теории, не примеряя на себя, ведь Виктор не был человеком никогда.

И всё равно это пьянящее чувство жизни, которой у него не было, всегда захватывало его с головой. Настолько, что время будто замирало, а он совсем переставал его ощущать, становясь единым целым с окружающей его водой.

Сейчас ему казалось, что он застрял в озере, пытаюсь преодолеть толщу воды над собой – долгое время он не находил причин для этого, просто расслабленно дрейфовал, иногда слыша какие-то отголоски жизни с поверхности, но сейчас что-то толкало его вверх, заставляя биться с собственным обессиленным телом, глотать воду, наполнять ею лёгкие вместо воздуха, чувствуя, как они иррационально горят, что было невозможно на самом деле, ведь холод не должен заставлять гореть, он должен успокоить его навечно... навечно... навечно...

Он резко выныривает, делая глубокий вдох, не сразу осознавая, что никакой воды нет. И озера нет. И холода. Только мерный писк приборов где-то сбоку, шум за окном...

Стойте... Окном...?

Виктор заполошно оглядывается вокруг. В голове плещется какой-то кисель из неясных образов, но они никак не хотят натягиваться на реальность – там, где он был раньше, тоже пищали приборы, но совсем другие. Звук от них был

едва различим, но всё равно бил его по голове, будто молоко. Сейчас писк был почти мягкий, ненавязчивый.

Другие несостыковки тоже не заставили себя долго ждать: там не было окна, а здесь есть. Там мир он видел через маленькое стекло, а тут... Тут он лежал на кровати, весь облепленный какими-то датчиками, снаружи шумел мир и...

И он должен бежать. Вот прям сейчас, потому что другого шанса может и не быть. Ему нужно подняться, разбить окно, сделать хоть что-то... Вот только...

«Сил нет... — отчаяние было его эмоциональным фоном долгое время, но сейчас он прочувствовал его новой, удушающей волной, — Я не убегу далеко. Они вернут меня обратно, даже если я попытаюсь. Это всё бессмысленно... Я... я...» — мысли его прервались тем, что дверь медленно отворилась. Первым, что он увидел, были до белизны светлые волосы, прямо как его собственные, сейчас спутанные и спадающие неаккуратными прядями на лицо, частично закрывая ему обзор. Человек же перед ним был аккуратно подстрижен и одет в строгий костюм, тем не менее, выглядел он устало, одежда была смята по линиям сгибов конечностей, а галстук был ослаблен. Он зашёл, опустив голову, смотря в странный прямоугольный предмет, и только закрыв за собой дверь, медленно поднял взгляд. И застыл, как маленький оленёнок в свете фар приближающегося автомобиля, который в некоторой мере осознаёт свою незавидную судьбу, но всё равно не находит в себе сил ей противостоять.

И в этот момент Виктор понял, что, наверняка, всё ещё спит. Потому что не очень-то всё происходящее было похоже на правду. Скорее, на лихорадочный бред.

— Ники...? — он говорит это и не узнаёт свой голос — тот звучит сипло, почти неразличимо, будто призрак пытается с того света связаться с живущими.

Ему казалось, он видит своего сына, только намного старше, чем он запомнил. Но его не может быть здесь. Неужели очередные галлюцинации? Что ему ввели на этот раз...?

Тем временем, парень перед ним нашёл в себе силы отмереть и кинулся к нему, жадно впиваясь взглядом в его лицо, будто пытаясь запомнить и воспроизвести каждую черту в своей голове. Виктор вздрогнул от такого резкого перемещения, свойственного сверхсуществом.

— Пап? — выговорил быстро Ники — голос его звучал тоже куда взрослее — и потом развернулся, нажимая какую-то кнопку на стене, — Пап, сейчас, сейчас придёт врач и...

Виктор, услышав это, резко дёрнулся в противоположную сторону, слетев с кровати и быстро отполз, забившись в угол. Аппаратура, до этого мирно пищавшая, теперь пронзительно гудела на одной ноте, потому что часть датчиков слетела, а часть осталась на нём, оторванная от самой машины.

— Не надо...! Не надо, пожалуйста, не надо...! — он запричитал и закрыл голову руками, чтобы не смотреть на Ника. Он заодно с ними...? Разве такое возможно? Нет, точно нет... Но откуда он тогда здесь, в этом аду...? Что это за новая

изошрённая пытка такая...?

Ник так же быстро оказался возле него, но прикоснуться к нему не решился, оставляя значительную дистанцию.

— Пап, всё хорошо, ты в безопасности, тебя больше никто не тронет, правда, — зачастил он, держа руки на виду, пытаясь успокоить. И это неожиданно подействовало, несмотря на свою простоту.

Виктор медленно отнял руки от лица. Он дрожал, но уже более осознанно посмотрел на всё пространство вокруг. Он больше не в Новом Рассвете. Это место совершенно иное. НР никогда бы не поместили его в комнату с окном и без решёток. Никогда бы не переманили на свою сторону его сына. Не достали бы его из той камеры без лишней на то необходимости.

— Я... — он выдохнул, закашлявшись. Голос всё ещё хрипел, но он звучал уже хотя бы на нормальном уровне слышимости, — Что случилось? Как я... — он запнулся, — Как я оказался тут?

Ник вздохнул – наполовину с облегчением, наполовину с усталостью. Провёл рукой по лицу, зачесывая выбившиеся пряди волос назад, убирая их со лба прежде, чем ответить.

— Тебя нашли на одной из баз Нового Рассвета, когда отряд моего друга Сантьяго захватывал объект... — начал он, говоря достаточно медленно, будто подбирая слова или проверяя, насколько собеседник уловил смысл сказанного.

— Лукас Сантьяго? — переспросил Виктор, хватаясь за

знакомое имя, как за соломинку. Вот только представить взбалмошного мальчика Лукаса в отряде Борцов и Защитников он при всём желании не мог. Тем более, учитывая прошлое Лукаса с НР.

Ник отрицательно помотал головой на его предположение.

— Нет, его сын, Базиль, — уточнил он, заставив Виктора нахмуриться.

— Ясно... — проговорил он в ответ, пытаясь переварить сказанное. Это было странно. Как и всё сейчас, на самом деле. Насколько Виктор помнил, у Лукаса не было детей. Да и откуда бы? Он был слишком молод для этого. И тем более для того, чтобы его сын уже был в отряде БиЗов. Тем не менее, Виктор не мог отрицать очевидного – его собственный ребёнок сейчас сидел перед ним и тоже выглядел намного старше его последних воспоминаний. Сколько же времени прошло...?

Ник, не обращая внимание на его замешательство, продолжил.

— Базиль сразу позвонил мне, когда тебя нашли, и я прилетел. Сейчас ты в Кастаэрии, в центральной больнице. Мама... — он запнулся, на секунду прикусив губу, — Вы с ней увидите... попозже, — Ник в каком-то неуверенном жесте положил руки на колени, сминая дорогую ткань брюк, всё ещё сидя перед ним на корточках и выглядя при этом несколько нелепо, — Ей нужно решить некоторые дела, свя-

занные с твоим возвращением.

— Шарли... — тихо выдохнул Виктор при её упоминании и на его лице сама собой появилась тонкая, но настоящая улыбка. Ники кивнул, про себя радуясь, что отец всё ещё способен чувствовать и проявлять положительные эмоции.

— Давай-ка... — Ник замялся, но ровно на секунду, огляделся вокруг себя, будто искал что-то, что может ему помочь, но передумал, — Давай-ка вернём тебя на постель, хорошо? — он говорил мягко и спокойно, и Виктор почувствовал вину за то, что его сыну приходится подбирать слова и контролировать каждый свой жест, лишь бы он, старый дурак, не выкинул какую-нибудь херню, — Будет странно, если врачу придётся осматривать тебя на полу, не находишь?

Виктор с трудом кивнул, соглашаясь с таким доводом. Ник помог ему подняться, провожая озадаченным взглядом вырванные с корнем датчики, скорее всего не подлежащие починке.

Тело всё ещё ощущалось слабым, а зрение неприятно плыло, стоило только чуть сильнее мотнуть головой. Когда Виктору всё же удалось тяжело упасть обратно на кровать, в палату заглянул врач. Его ничуть не озадачил тот факт, что пациент не только пришёл в себя, но и, похоже, устроил небольшой погром.

— Мистер Новак, — обратился он, и оба мужчины повернулись к нему, хотя обращался он только к Нику. Тем не менее, врача это не смутило, он кашлянул и продолжил, повер-

нувшись к младшему вампиру, — Мне нужно провести обследование, чтобы оценить состояние вашего отца. Вы будете присутствовать или...?

Врач сделал многозначительную паузу, приподняв одну бровь, давая время на ответ. Ник уже хотел было выйти, чтобы не мешаться под ногами специалиста, но повернулся в сторону Виктора и прочитал что-то такое во взгляде отца, что решил остаться — чисто в целях соблюдения безопасности, потому что взвинченный вампир — это всегда источник угрозы для гражданского населения, а Виктор абсолютно точно сейчас не казался ему образцом благоразумия.

«Его не было шесть десятков лет. Если он всё это время был у НР, на что я вообще надеялся...? Хорошо, что он хотя бы узнал меня и помнит, как зовут маму...» — Ник и правда не знал, кто именно сейчас вернулся в его жизнь. Но сказать можно было одно — это не тот отец, которого он запомнил. И винить в этом он должен не Виктора, а Новый Рассвет. А он и так ненавидит их всей душой, если таковая вообще есть у вампиров.

— Я останусь, — кивнул он врачу, отходя чуть в сторону, и понял, что... боится. Не только за безопасность врача или других людей в больнице. Он боится за то, что уйдёт — и отец исчезнет снова. В этот раз навсегда.

— Хорошо, — кивнул врач в ответ, никак не комментируя это решение, — Тогда приступим к обследованию...

...Через час, когда были поставлены новые датчики на ме-

сто старых, сняты все нужные показания с приборов и выданы рекомендации, Виктор смог выдохнуть с облегчением, поняв, что трогать его в ближайшее время больше никто не будет.

— Что ж... — начал врач после недолгой паузы, записывая что-то, — Состояние стабильное, реакции в пределах нормы, но лучше перестраховаться и побыть под наблюдением ещё какое-то время, — он поднял взгляд, посмотрев недолго на Виктора, а после перевёл глаза на Ника, ожидая, что тот что-то скажет.

— Я могу забрать его? — спросил он во время очередной образовавшейся паузы, возвращая себе привычный деловой тон, — На базу АООСС. Там есть врачи, — он сложил руки на груди, то ли в неосознанном защитном жесте, то ли пытаюсь придать вес словам одной своей строгой позой, — Так как Ассоциация расследует это дело, я не могу оставлять его тут одного, сами понимаете, обстоятельства не располагают.

Врач посмотрел на Ника долгим взглядом, будто что-то прикидывая, а после медленно кивнул.

— Хорошо, мистер Новак, — согласился он в конечном итоге, — Под вашу ответственность, — он опустил глаза и сверился с какими-то бумагами, — Я вышлю заключение вам на почту. А сейчас подготовлю выписку, но мне нужно согласие самого Виктора...

Врач пристально посмотрел на него, и Виктор кивнул под этим взглядом, чувствуя, как что-то неприятно сжимается

внутри.

— Я согласен, — выдохнул он достаточно быстро, лишь бы избавиться от такого сосредоточенного внимания, бросив беглый взгляд на сына, ища поддержки, — Подпишу, что скажете, — с большим трудом он нашёл в себе силы на то, чтобы изобразить на лице кривоватую улыбку. Ник, слегка озадаченный этим выражением, неловко улыбнулся в ответ.

— Хорошо, — после этой фразы врач мгновенно потерял к нему интерес, — Тогда подождите пока здесь, это не самое быстрое дело... — он на секунду запнулся, — И, Ник, можно вас на минуту?

Ник кивнул. Они вышли, плотно прикрыв за собой дверь, и на какое-то время воцарилась вполне комфортная тишина. Виктор пытался осмыслить всё произошедшее и перевести дух. В голове плавали какие-то смутные образы и мысли, но он при всём желании не мог собрать их воедино в какую-то удобоваримую картину. По ощущениям действительно через заявленную минуту вернулся его сын. Виктор не знал, о чём говорил с ним врач, но Ник казался ему ещё более озадаченным и мрачно решительным одновременно.

— Как ты? — спросил он, нарушив эту хрупкую тишину, которая так успокаивала Виктора. Ник присел на край кровати, снова отпуская себя без внимания посторонних глаз, не видя смысла притворяться всесильным и держащим под контролем ситуацию, которой, по сути своей, абсолютно не владел. Выглядеть он при этом стал бесконечно устало. Меш-

ки под его глазами показались более очерченными, и Виктор задумался над тем, сколько нужно не спать вампиру, чтобы выглядеть так плохо. И сколько нужно дел взвалить на себя, чтобы в этом была такая необходимость.

Но вместо неуместных на данный момент расспросов он лишь пожал плечами, пытаясь воссоздать ощущение нормальности вокруг них, будто это было возможно в такой ситуации.

— Ты же слышал, что врач сказал – стабильно, — он улыбнулся, но даже не видя себя догадывался, что это, должно быть, выглядит ещё более натянуто и криво, чем до этого.

— Да, — согласился Ник, хотя на его лице было достаточно сложное выражение, которое Виктор при всём желании не мог прочитать и как-то классифицировать, — Физически. Но я ведь не про это спросил.

Ощущение нормальности треснуло. Нику не нужно было быть достаточно проницательным, чтобы не поверить в чужой театр одного актера – ситуация говорила сама за себя. Он явно не собирался оставлять отцу возможности съехать с этой скользкой темы, о которой Виктор сейчас слишком сильно не хотел говорить. Да и не только сейчас, а вообще когда-либо, если уж на то пошло.

Но, поймав взгляд Ника, он понял, что тот действительно ждёт ответ, параллельно изучая каждую его реакцию, которая, возможно, говорила за него куда больше, чем он при всём желании смог бы выразить словами.

— Я... я не знаю, — Виктор тяжело вдохнул, неуютно поведя плечами, и на пару секунд задумался прежде, чем продолжить, — Я... я почти ничего не помню, — признался он и самому себе в том числе, поджав губы, — Сколько времени прошло? Ты выглядишь... — он посмотрел на сына, пытаясь хотя бы в голове прикинуть его нынешний возраст, но это осложнялось ещё и тем, что они оба не были людьми и старели иначе, — ... Старше, чем я запомнил.

Ник замялся. Что бы он ни сказал, Виктор по этой заминке уже заранее знал, что ответ ему не понравится. Но чтобы настолько сильно...

— Почти шестьдесят, — Ник выдохнул это на грани слышимости, но вампирский слух Виктора никогда не подводил.

— Шестьдесят чего? — переспросил он, нахмурившись и пытаясь осознать озвученную цифру, — Дней...?

Два месяца, пожалуй, было слишком мало для таких серьёзных изменений, Виктор это понимал, но его разум отказывался признавать очевидное, держась за последние крохи надежды.

— Лет, — всё-таки сказал Ник, поднимая на него взгляд, — Прошло шестьдесят лет.

Ему понадобилось несколько долгих секунд на осмысление.

— Сколько?! — это вырвалось само собой, до того, как он успел себя остановить. Он не был уверен, что именно было написано на его лице в этот момент, но Ник поджал губы,

упрямо уткнувшись взглядом в собственные колени, и на какое-то время они снова замолчали.

Приборы мерно гудели, но Виктору казалось, что гудит прямо у него в голове, настолько много там мыслей сейчас было, и одновременно с тем он не мог ухватиться ни за одну из них – это был просто набор всего подряд, будто мозг, перегруженный шоком, отказывался с ним сотрудничать.

— Прости... — тихо начал Ник, казалось, через целую вечность, — Мы уже давно были уверены, что ты погиб. Хотя и не переставали искать. А ты всё это время был почти под носом... — он с трудом сглотнул ком в горле, а после сжал кулаки, гася бессмысленную, слепящую ярость, — Какой я дурак, о богиня! Нужно было перетрясти весь этот Новый Рассвет, камня на камне не оставить, но найти тебя, а я вместо этого... — он резко отвернулся, пряча эмоции, но Виктор успел заметить, как влажно блеснули уголки его глаз.

В груди защемило от этого зрелища. Виктор осторожно взял его за руку, и Ник, не ожидавший прикосновения, удивлённо обернулся, немного отвлекаясь от собственных негативных мыслей.

— Не вини себя, Ники, — Виктор улыбнулся настолько мягко, что Ник будто снова ощутил себя ребёнком. Он смотрел на эту улыбку, самую правдивую за этот день, и ему даже удалось ненадолго обмануться. Будто не было всех этих лет. Будто всё сейчас хорошо... Виктор продолжил, и эта магия момента, к сожалению, разрушилась, — Это всё не твоя ви-

на... — он тяжело вздохнул, — Точно нет.

Ник медленно покачал головой, кисло усмехнувшись.

— Я должен был тебя искать. А я уехал из Кастаэрии. Довольно давно, — признался он мрачно, и голос дрогнул, — Жил с тех пор в коммуне Станислава в Паст-Эйне. Когда я потерял надежду тебя найти, мне... Мне показалось, это поможет мне лучше тебя понять. Если я пройду твой путь.

— Да ну? — Виктор рассмеялся, переключая внимание на другую тему, и прозвучало это на удивление искренне, — Надеюсь, старик хорошо тебя принял, — он поджал губы, и в глазах его отпечаталось странное выражение ностальгии, — А ведь действительно, мой путь... Когда моя мать умерла, я тоже уехал из Кастаэрии к деду, хоть и совсем ненадолго. Вернулся, чтобы стать БиЗом, — он покачал головой, прогоняя воспоминания, — Он своеобразный, даже для вампира, я не смог долго поддерживать с ним общение. Как он тебе?

Вопрос о Станиславе заставил Ника очень тяжело вздохнуть и закатить глаза.

— Он пытался мне весь мозг ложечкой выесть, лишь бы я забросил Ассоциацию и начал заниматься семейным бизнесом, — он покачал головой, — Могу понять, почему ты не смог долго иметь с ним дело.

Виктор рассмеялся снова.

— Да, в этом весь Станислав. Приятно знать, что хоть какие-то вещи остаются неизменными... — он на секунду замялся, разворачивая какую-то мелькнувшую в голове мысль,

— Подожди. Если ты уехал из Кастаэрии... Шарли уехала с тобой?

Ник отвёл взгляд. Смешливый тон их разговора резко закончился, не успев нормально начаться.

— Мама? — он горько усмехнулся, — Ты можешь представить её на границе леса в маленьком прибрежном городке, пропахшем рыбой...? — Ник сделал небольшую паузу, и Виктор не нашёлся с ответом, поэтому он продолжил, — Вот и я нет. Она осталась здесь. Заняла твоё место в Ассоциации, рядом с Вэбером... — стоило упомянуть старого вампира, как Виктор слегка всполошился, перебивая.

— Морган жив? — спросил он, инстинктивно подавшись ближе, будто боялся пропустить хоть одно слово, — С ним всё хорошо?

— Да, — опешил Ник на секунду от такой резкой смены настроения, но после добавил с сомнением, — Наверное... — поймав встревоженный взгляд отца, он поспешил уточнить, — Просто я с ним не общаюсь, но Ша... — он запнулся на секунду, поджав губы, — Мама бы мне сказала, если бы что-то произошло. Я и сам сейчас не последний человек в Ассоциации, такие вещи не стали бы держать в тайне от меня. Так что, думаю, с ним всё в норме. Насколько это возможно.

Виктор медленно кивнул, хотя, казалось, всё ещё не был удовлетворён расплывчатым ответом.

— Хорошо... — он тихо вздохнул, — Это хорошо.

Морган жив. А значит, последний барьер, отделяющий Новый Рассвет от их целей, всё ещё стоит. Не всё потеряно.

Раздался вежливый стук в дверь, выдёргивая его из размышлений, а после внутрь вошёл всё тот же врач.

— Ваша выписка готова, — сказал он, протягивая ему несколько листов бумаги, — Подпишите здесь и здесь...

До того, как совершить самую большую ошибку в своей жизни, Сеера, в основном, был гонцом. Он демон, да, но сделки страстно не любил, а вот перемещаться быстрее ветра и нести вести ему давалось до ужаса легко, будто для этого он и был рождён.

И, само собой, он никогда не боялся приносить плохие новости. Это было его визитной карточкой – говорить страшную правду в лицо и смеяться. Но вот сейчас... Сейчас он был в ужасе от того, что и кому ему придётся сообщить.

Во рту пересохло, а пальцы мелко тряслись, но он пытался собраться, пока шёл, потому что знал – если показать слабость, это разозлит Вильгельма куда сильнее. А ситуация и так предполагала, что предпочтительным вариантом для Сееры было вежливо самоликвидироваться где-то в укромном уголке. Жаль, демона не так просто убить, даже когда он сам этого хочет.

Около кабинета без дела крутился Карлос, залипая в телефоне, и это вернуло какое-то отстранённое чувство нормальности, но совсем не помогало не думать о том, что его

ждёт за массивной дверью.

— Какое у него настроение...? — тихо спросил Сеера вместо приветствия, нервно одёргивая манжеты рубашки. Карлос поднял на него скучающий взгляд своих светлых глаз и лениво пожал плечами.

— Вроде, хорошее, — он, видимо, заметил в конце концов нервозность демона, а потому поинтересовался, нахмурив брови, — А почему ты спрашиваешь...?

Демон сглотнул тяжёлый, липкий комок в горле, заполошно покачав головой, как болванчик, будто это движение помогало лучше передать всё, что он думает об этой ситуации.

— Потому что я собираюсь ему его испортить... — Сеера невольно вздрогнул, думая о том, чем будут чреваты для него последние новости. Хотелось бежать, как можно дальше отсюда, как раньше, когда он был гонимым. Он самый быстрый из всех ныне живущих существ, он может в одну секунду оказаться на другой стороне планеты...

Но ещё он прекрасно знал, что, пока действует сделка, это бессмысленно. Вильгельм достанет его из-под земли и заставит пожалеть даже о самой мысли о побеге.

— Что случилось? — не отставал Карлос, полностью переключив внимание на него, но демон лишь отмахнулся, нервно переступая с ноги на ногу, пытаясь пересилить себя и пойти уже на ковёр к начальству, — Сеера...?

— Всё, что могло пойти не так, пошло не так, — выпалил он на одном дыхании, а после повёл плечами, нервно дёрнул

тонкими пальцами у лба, убирая свои длинные рыжеватые волосы с лица, и, не давая себе времени на раздумья, постучал в дверь. Он прошмыгнул внутрь, стоило ему услышать короткое «войдите», произнесённое низким, почти бархатистым голосом.

Вильгельм стоял у окна, задумчиво смотря вдаль. Сеера знал, что он его слышит — шаги, запах страха, всё. Но тот не обернулся.

Если бы не ситуация, Сеера бы закатил глаза — любовь к надменному пафосу у семьи Винченцо передавалась по наследству и категорически его раздражала уже второе поколение подряд.

Вильгельм обернулся, когда молчание затянулось, потому что Сеера слишком продолжительное время пытался понять настроение, витавшее в помещении. Его глаза встретились с холодными льдистыми радужками Вильгельма, и демон невольно почувствовал, как по заливку табуном бегут тревожные мурашки.

— Я тебя как просил ко мне приходить? — спросил строго Вильгельм, окидывая его медленным, надменно-пренебрежительным взглядом.

«Блядь...» — подумал про себя Сеера. В спешке он совсем забыл поменять облик. У Вильгельма был какой-то особый пунктик, вызывавший бы у демона дополнительный приступ тревоги, если бы он не имел ни малейшего понятия, с кем говорит. Но он, к сожалению, имел.

Проходит всего пара секунд, но по ощущениям – целая вечность, прежде чем черты демона размываются, и перед Вильгельмом теперь стоит будто кто-то совсем иной.

Тонкая девица с рыжими волосами, которой была не по размеру та одежда, которую Сеера обычно носил, смотрела своими светлыми глазами на Вильгельма, и тот, наконец, одобрительно хмыкнул, показывая, что теперь готов слушать своего горе-прислужника.

Сеера ненавидел этот облик по многим причинам, одной из них было несоответствие обложки его внутренним ощущениям – да, как демон, он не имел в принципе понятия о половой принадлежности, потому что в Небытие ты не что-то конкретное, ты всего лишь сгусток материи, вплетённый в такие же сгустки, который в неожиданный момент может обрести настоящее проклятие для этого места – самосознание. А после этого дороги назад уже нет.

Но он, наверное, слишком долго был в материальном мире. И слишком привык быть в этом мире именно мужчиной.

В теле женщины он чувствовал себя... беззащитно. Он и так был здесь не по своему желанию, но такой вид будто забивал последний гвоздь в крышку гроба его воли, забирая последнее, что он мог бы считать своим – это тело, в котором находилась его тёмная сущность.

Раньше он задавался вопросами – зачем это нужно? Но теперь Сеера знал – Вильгельм любит власть и контроль. И наслаждается, имея возможность методично ломать столь

древнее существо под свои личные хотелки, откалывая кусочек за кусочком части когда-то целого создания, внушающего первобытный страх.

— Мистер Винченто, — голос Сееры звучал намного выше, чем обычно, потому что связки были короче в этом облике, но он уже научился не обращать на это внимания и не вздрагивать каждый раз, когда голос начинал тревожно скакать туда-сюда, — У меня очень неприятные новости...

Вильгельм посмотрел на него остро, мгновенно настораживаясь, и Сеера понял, что вот оно – настроение он уже ему испортил, осталось только объявить причину и отхватить за это свои заслуженные «пару ласковых» в эквиваленте физического насилия.

— Говори, — голос звучал ровно и тихо, но даже так он спокойно различал в нём едва прикрытую угрозу.

Ну, назад пути всё равно не было...

— Ассоциация нашла базу Д-26... — начал Сеера, на секунду запнувшись, но взял себя в руки, чтобы не раздражать Вильгельма ещё больше, — И её не успели эвакуировать.

— Продолжай, — кивнул он, слегка расслабившись, видимо ещё не осознавая масштаб проблемы. Базы захватывали чуть ли ни каждый месяц, это уже перестало быть чем-то из ряда вон выходящим. Они были уже достаточно близко к цели, чтобы спокойно пожертвовать парочкой лабораторий. Вот только в этот раз было одно очень весомое «но».

— Они... — Сеера откашлялся, потому что голос сорвал-

ся на какую-то совсем уж высокую частоту, — Они забрали оттуда всё, — и добавил с опаской, зная, что вот сейчас всё точно полетит к чертям, — Включая Виктора Новака...

Пара секунд – примерно столько времени ушло у Вильгельма на осознание проблемы. А потом раздался глухой звук – он стукнул обоими руками по столу, около которого стоял, заставив Сееру инстинктивно вздрогнуть и моргнуть.

— Сеера... — голос его при этом звучал ровно, почти мягко, и от этого по спине поползли мурашки, куда сильнее, чем если бы он кричал, — Какого хрена он делал на базе 26? — медленно проговорил сквозь сжатые зубы Вильгельм. И замолчал, долгим взглядом смотря на него, чуть ли не прожигая.

За секунду в голове демона пронеслось несколько ответов – он мог соврать, чтобы не провоцировать того ещё больше, но беда была в том, что Вильгельм это всё равно поймёт. Поэтому пришлось говорить правду:

— Вы сами постановили перевести его туда два года назад, сэр... — Сеера мог собой гордиться, потому что голос почти не дрожал, когда он произносил это, — Это была одна из самых защищённых баз...

— И как её тогда нашли? — резонный вопрос был ему ответом. И тут они подходили к самому интересному...

— Мы не знаем, сэр. Вероятно, кто-то сливает информацию...

Вильгельм стремительно подошёл к нему, и даже до того,

как он коснулся его, Сеера почувствовал, как струна фантомной боли внутри лопается. На смену ей пришла настоящая боль — он схватил его за воротник, и свет от рук Вильгельма, излучаемый магией, был неярким, почти уютным, но прожигал демоническую сущность, заставляя испытывать агонию далеко за пределами физического воплощения, где-то там, глубоко, где была сама суть существования создания Небытия.

Сеера сжал зубы, чтобы не издать ни звука, не спровоцировать ещё больше, хотя это стоило ему невероятных усилий. Глаза заслезились, и он не сразу понял, почему его щеки ощущаются ему мокрыми.

Так же внезапно, как началось, всё закончилось. Но ему показалось, что прошла целая вечность прежде, чем Вильгельм отпустил его воротник, и он простоял, наверное, несколько долгих секунд, прежде чем тело осознало, что его отпустили, и ослабевшие ноги подвели его, заставив рухнуть на пол.

Вильгельм наклонился над ним, показательно больше не касаясь его, с брезгливостью фыркнув.

— Подними всё на уши и найди крысу, — обманчиво спокойный и тихий, почти нежный, но при этом твёрдый голос ворвался в его агонизирующее болью сознание, — Ты меня понял?

Сеера сглотнул подкатывающий к горлу ком и собрал всю волю, что у него ещё оставалась, чтобы кивнуть.

— Да, сэр...

Вильгельм снова отошёл к окну, отворачиваясь, пока демон пытался найти в себе силы подняться с пола и уйти. В голову даже закрались мысли о том, чтобы просто отсюда уползти, пока на него так великодушно не смотрят.

— И, Сеера, — собственное имя заставило его вздрогнуть, хотя Вильгельм сказал это абсолютно будничным тоном, — В следующий раз приходи сразу так. Мне не нравится, когда ты тратишь моё время.

Виктор не узнавал здание ассоциации. Оно и не удивительно – времени прошло много, и всё изменилось... Очень сильно. Он не узнавал даже улицы, не то, что базу АООСС. Прогресс шагнул далеко вперёд за эти шесть десятков лет. А он... он всё это пропустил.

Но это можно было нагнать. Для вампиров обычное дело выпадать из прогресса на какое-то время, пусть с ним это и происходило впервые. Это не было капитальной проблемой, не подлежащей решению. В отличии от...

Он искоса поглядывал на Ника, когда тот вёз его из больницы на базу. И с большим трудом узнавал в этом серьёзном человеке своего сына. Они не проронили ни слова в машине, и Виктор чувствовал, что напряжение и стену между ними пробить будет невероятно сложно. Если вообще возможно.

Но об этом он подумает позже. Сейчас ему нужно было хотя бы полностью прийти в себя. Нельзя из гнилых досок

построить крепкий дом, а на данный момент он ощущал себя именно так – испорченным материалом, чем-то, из чего нельзя построить счастливое будущее.

База Ассоциации встретила его холодом и плотно заделанными окнами – тут работали обычные вампиры, для которых, в отличие от него самого, солнечный свет являлся губительным фактором, который весьма недвусмысленно мог их убить.

Присутствующие странно косились на него и Ника, но, когда его сын ловил чужие взгляды, работники поспешно отворачивались, делая вид, что очень заняты. Интересно, дело в самом Нике, или слухи о возвращении считавшегося погибшим заместителя директора АООСС уже разошлись по всей базе? Его не было шесть десятков лет, и пока он не увидел ни одного знакомого лица, поэтому навряд ли кто-то здесь мог действительно его узнать, разве что по каким-то архивным фотографиям...

Он запомнил времена ещё такими, когда фото не имели цвета. А теперь всюду были эти красочные экраны, даже на улице. Он вернулся в совершенно другой мир...

А если вообще подумать, хорош ли тот факт, что он вернулся? Для него, несомненно, да. Но что насчёт его семьи...? Кажется, что и у Ника, и у всех остальных давно своя собственная, другая жизнь, в которой нет места ностальгии по прошлому. А теперь он свалился им, как снег на голову, и...

Его мысль прервалась тем, что его кто-то почти сбил с ног,

бесцеремонно прижав к себе в объятиях. Он вздрогнул, собираясь уже отстраниться, опешив от такой наглости, но... Но почувствовал своим вампирским обонянием запах.

Её запах.

— Шарли...

Она отстранилась через пару секунд, но ровно настолько, чтобы заглянуть ему в лицо. Взгляд забегал, принимаясь сканировать знакомые черты с жадностью, достойной шестидесяти лет разлуки.

— Виктор, — тихо выдохнула она. В её кристально-голубых глазах блеснули слёзы.

Теперь и у Виктора появилась возможность рассмотреть её получше. Она, в отличие от Ника, почти не отличалась внешне от той, которую Виктор запомнил, только морщинок стало чуть больше, а глаза выглядели уставшими, но в них всё ещё горел тот стеснительный огонёк, всегда готовый разгореться в настоящий пожар.

Несмотря на внешнее сходство и одновременно различие, ему казалось, будто сейчас он видит её в первый раз. Как когда-то давно...

Тогда они оба были ещё совсем молоды. Не только внешне, но и внутренне.

Он проводил почти всё своё время рядом с Морганом в Кастаэрии, рассорившись на этой почве со Станиславом. Дед никогда не одобрял его тягу к континенту и Ассоциации, которая казалась ему оскорбительной со своими ограничива-

ющими законами.

Но в Викторе в какой-то момент, пусть и запоздало, выиграл подростковый максимализм. Спокойствие Паст-Эйна окончательно его доконало, а клан начал напоминать скорее золотую клетку – достаточно комфортную, чтобы пробыть в ней какое-то время, и при этом недостаточно просторную, чтобы оставаться в ней навсегда.

Он вернулся в столицу Кастаэрии большой город Глек, в котором он жил с матерью, когда был ребёнком. И почти сразу получил заветную работу в Ассоциации. Тогда он ещё не знал, почему мистер Вэбер так охотно пошёл ему навстречу, просто посчитал, что ему повезло.

Они работали над большим бестиарием вместе – у Моргана был невероятный опыт, помноженный на годы его долгой вампирской жизни, а у Виктора другое не менее важное преимущество – он отлично рисовал. Виктор не мог и представить, что бестиарий с его иллюстрациями не только станет настольной книгой для любого Борца и Защитника, но и в целом одним из самых исчерпывающих трудов в области изучения сверхсуществ.

В камине мерно трещали поленья. За окном была на редкость мерзкая погода – холодный ветер в сочетании с мелкой моросью колко бил в окно, являющееся единственной преградой между приятным вечерним теплом комнаты, дарящим какой-то по истине душевный уют, и промозглой осенней реальностью. Тогда здание Ассоциации внутри выгляде-

ло совсем иначе, и вызывало более тёплые чувства, чем сейчас.

Они сидели вдвоём — Морган выглядел почти величественно, расслабленно потягивая чай из небольшой чашки, прикрыв глаза и явно думая о своём, поглядывая на танец огня.

Сам же Виктор расположился на втором кресле, извернувшись под неестественными углами. Он донельзя сосредоточенно и очень напряженно вырисовывал в блокноте очередное условно «опасное» сверхсущество, и попеременно бросал короткие, но весьма ёмкие ругательства на инийском себе под нос.

— *Задери меня тарман...* — он тяжело вздохнул, меняя позу на ещё более странную, и это в какой-то степени помогло ему лучше сосредоточиться, — Вроде бы верно... — он отодвинул от себя блокнот, критически осматривая свои художества, — А может быть, у него было больше игл...? — он задумчиво постучал кончиком карандаша по губам, а после тяжело выдохнул, откинув голову назад, обращаясь к своей памяти, будто не выжал из неё уже и так всё, что можно.

— Я достал из твоей руки по меньшей мере пятьдесят штук, — подсказал напутствующим голосом Морган, сделав ситуацию только хуже. Он поднёс чашку к губам, отпив очередной глоток чая, пытаясь в кружке спрятать несколько заинтересованный взгляд, в котором начинал разгораться азарт, — У самок игл всегда больше. Особенно в период

вскармливания потомства. Им же нужно защищать своих детёнышей, — он оторвался от чашки, наконец удостоив парня прямым взглядом, — Покажешь, что получилось?

Виктор раздраженно фыркнул. Если бы это был не Морган, он бы ответил что-то не очень приятное, но открыто грубить наставнику он себе не позволял никогда.

— Когда закончу, Морган, — вздохнул он, тряхнув волосами, убирая мешающую чёлку, которая так и норовила попасть в глаза, — Ты же знаешь, я не люблю показывать иллюстрации в процессе их создания.

Морган на это лишь сдержано хмыкнул, возвращаясь к чаю, но все же нарочито равнодушно добавил прежде, чем сделать очередной глоток:

— Ты ведь знаешь, что я видел их намного больше, чем ты, — его тон звучал назидательно, как раз так, как говорят с нерадивым и очень упрямым учеником, каким периодически был Виктор. Морган коротко усмехнулся, продолжая, — Ты видел всего одно гнездо, а я охотился на стаи нудл еще в те времена, когда тебя даже в проекте не было...

Фраза возымела ожидаемый эффект. Парень снова раздраженно вздохнул, поджав губы, но после этого без лишних препирательств протянул Моргану блокнот. Тот отставил на небольшой столик кружку с начинающим остывать чаем, принявшись рассматривать получившуюся иллюстрацию.

— Не дурно, — заключил в конечном итоге он, а после

посмотрел на Виктора своим сосредоточенным взглядом, — Виктор, это достаточно точная передача внешнего облика создания, хотя тебе довелось видеть его всего один раз...

—... И потом полчаса сидеть и ждать, когда ты скажешь мне, что достал все иглы, — продолжил за него парень, надеясь прервать этот поток похвалы, на которую он понятия не имел, как реагировать, и это заставляло его нервничать, вгоняя в краску, — Так что, я не только видел, но и успел очень медленно и вдумчиво прочувствовать всё великолепие этих... — он запнулся, стараясь подобрать слово помягче, но такое, чтобы оно верно описало его мысль, — Э, по истине самобытных созданий...

Морган усмехнулся, легко считав эту попытку обороны юмором, но решил не смущать его ещё больше, подхватывая новую эмоциональную окраску их беседы:

— А я тебя предупреждал – не лезь на рожон, — он покачал головой, выдохнув так, будто это обстоятельство оскорбляло его лично, — Но вы, молодое поколение охотников, просто невыносимы. И считаете себя бессмертными.

Виктор как-то обиженно цокнул, сложив руки на груди и прищурившись.

— И много ты молодых охотников знаешь, чтобы было, с чем сравнить? — прозвучало чуть более враждебно, чем он собирался, но его немного выводили из себя подобные высказывания, потому что перед глазами сразу всплывал Станислав с его вечным недовольством всем новым, начиная по-

рядком вещей и заканчивая технологиями. А новое для него начиналось где-то века три назад. В этом плане с Морганом было полегче — ему много лет, но всё же он не такой древний, а потому Виктору казалось, что нудел он намного меньше и, в основном, по делу.

Морган, тем не менее, ни капли не оскорбился и, казалось, даже не заметил тон, которым это было сказано.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать, что ты еще *не самый* буйный и безбашенный экземпляр... — он по-странному выделил некоторые слова, уходя в какие-то раздумья, из которых его вырвал уже сам Виктор, без особого труда догадавшийся, о чем именно тот думал.

— Если ты про того новообращенного, который нам с тобой чуть головы по ошибке не пооткусывал — то тогда да, соглашусь, я просто ангел в вампирском обличии... — он похлопал ресницами, изобразив самый невинный взгляд из всех возможных.

— Да уж... — мужчина тяжело вздохнул, — Джеффу стоит лучше следить за своим потомком, иначе в следующий раз я откушу головы им обоим, — глаза Моргана нехорошо блеснули красным, но почти сразу потухли. Он прожил слишком много лет и умел контролировать себя достаточно хорошо, чтобы позволять этой истории долго выводить его из себя.

Однако Виктор любил напоминать при каждом удобном случае об этом инциденте исключительно для того, чтобы позлить своего наставника. Пока что это работало, и па-

рень находил это весьма забавным, хотя многие бы от страха умерли, только увидев этот злобный отблеск в глазах Морган Вэбера.

У него была своеобразная гнетущая аура, и его не без причин здраво опасались почти все, кому приходилось с ним хоть немного взаимодействовать, начиная обычными людьми, даже не предполагающими, что он вампир, и заканчивая существами намного более сильными, но при этом не лишенными рациональности. А тех, кто был рациональности всё-таки лишен, Морган не уставал ставить на место, и на это Виктор мог только аплодировать, потому что сам он не представлял, что будет таким же бодрым и целеустремленным, когда ему перевалит за пять сотен лет.

Морган был вампиром-охотником очень и очень долгие годы. И несмотря на то, что он по каким-то своим причинам симпатизировал человечеству и положил жизнь на то, чтобы его защищать и поддерживать шаткий мир между сверхсуществами и обычными людьми, за это время он научился даже смотреть как-то... до мурашек, бегущих по спине. Он умел быть пугающим, когда это было нужно, хотя по сути своей не делал ничего плохого без должной причины. Это Виктора в нём восхищало, хотя он и не всегда мог понять, что происходит в голове у его наставника.

Вот только, несмотря на всё это, его нагнетающая аура чудесным образом не имела должного эффекта, когда дело касалось Виктора.

Возможно, он просто был слишком самоуверен и по-юношески глуп. Парень знал – он и вполонину не так силен, как его наставник, но наглости ему было не занимать с самого детства. Представитель древнего рода, живорожденный вампир во втором поколении, способный находиться на солнце, пусть и не в таком количестве, как смертные – его дед всегда преподносил его происхождение так, что этим нельзя было не гордиться. Но это имело и свои минусы – он был уникален, почти неповторим, и оттого одинок в самом первобытном смысле – куда бы он ни пошёл, с кем бы ни говорил, кого бы ни считал условно «своими», Виктор всегда был чужаком.

— О чем задумался? — уловив его помрачневший настрой, осведомился Морган, — На тебе лица нет. Мне кажется, пора оставить в покое нудлов и отдохнуть. Для книги эта иллюстрация в самый раз, мне кажется, что любой охотник, у которого есть глаза, и они расположены не на грушевидной мышце, сможет по твоему рисунку отличить нудла от какого-нибудь... василиска, например.

В основном они создавали этот труд для одной простой цели – обучать новые поколения Борцов и Защитников. Морган втянул его в свою большую работу по составлению сборника сверхъестественных существ пару лет назад. Виктор рисовал иллюстрации и помогал с некоторыми описаниями, но для этого приходилось почти всегда работать в поле, чтобы воочию увидеть очередного монстра. Сил уходило много, но парень знал – это фундаментальная работа. До это-

го существовали только какие-то разрозненные записи, да и те были локальными — кто где жил и на что охотился, тот про тех тварей и писал. Получить знания о монстрах можно было разве что от более опытного охотника, и только сейчас они взялись за то, чтобы все знания как следует классифицировать.

Вербальный способ передачи информации давно устарел и очень затруднял привлечение кадров в эту область, а вот смертность наоборот была весьма высокая. Особенно, среди людей, занимающихся этим. Вампиры — весьма редкое явление среди охотников, поэтому Морган был неисчерпаемым источником знаний, и Виктор все еще не мог понять причины, почему он взял на обучение именно его. Так или иначе, единственное преимущество, которое у него было перед любым другим вампиром — способность переносить солнечную радиацию. За это и ещё за много всего он был благодарен своей чудесной бабушке, сделавшей живорождение среди вампиров в принципе возможным. Тем не менее, виделись они редко — Ветрана предпочитала жить в дали от других вампиров и людей.

— Ну ты скажешь, тоже, — Виктор покачал головой, закрывая блокнот и собирая свои вещи, — Чтобы перепутать нудла и василиска нужно не иметь глаз вовсе.

— О, Виктор, ты недооцениваешь «особые» навыки некоторых наших умельцев... — Морган вновь тонко усмехнулся, почти сразу прячась за маской невозмутимости, но его глаза

всё равно выдавали в нём веселье.

Тем не менее, Морган был прав – пора закругляться и идти спать. Виктор не жил по расписанию вампиров, а потому поздний вечер был для него не началом дня, а его концом, как у обычных людей.

— Ладно, — наконец изрек парень, достав из-под кресла закатившийся туда угольный карандаш, — Пойду я, завтра рано вставать...

Морган отсалютовал ему своей кружкой, но не успел ничего ответить – в дверь постучали, а после она приоткрылась. В образовавшуюся щель заглянула девушка, которая, как знал Виктор, занимается всякой административной работой, включая планирование распорядка дел самого Морган.

— Мистер Вэбер, — секретарь выглядела слегка взволнованно, наморщив лоб, — Извините, что прерываю. Я знаю, что довольно поздно, но там к вам... — она замаялась, — Дама.

Одна из бровей Морган медленно поползла выше, изгибаясь в удивлении. Виктор переводил взгляд с него на секретаря и обратно, пытаясь уловить настроение, но по всему выходило, что гостей в такое время Морган не приглашал. Он кивнул, ожидая, что неожиданный визитёр покажется на пороге его кабинета.

Учитывая, что солнце уже час как село, можно было подумать, что какая-то вампириша решила нанести визит одно-

му из членов совета и что-то попросить, но эти предположения разбились вдребезги о реальность: вошедшая точно не была вампиром. Виктор слышал биение сильного сердца, достаточно специфическое, чтобы понять – перед ним, скорее всего, маг или оборотень. От неё пахло какими-то травами, что немного сбивало ход его мыслей.

А потом, когда мозг закончил считывать инстинктивную информацию, он поднял взгляд и...

И пропал. Кристальные, почти прозрачные глаза, светлые волосы. Если бы не знал, то подумал бы, что она такая же, как он. Редчайший вид вампиров, ограничивающийся одной их маленькой и не очень дружной семьёй.

Она была явно чем-то очень встревожена и Морган, заметив это, жестом предложил ей сесть. Виктор по непонятной причине чувствовал себя так, будто его поймали на месте преступления. Он откашлялся, отходя к окну, стараясь спрятать свои перепачканные углём руки за спиной, ощущая себя неуместным рядом с явной представительницей аристократии – что-то в ней было такое, что выдавало этот факт с головой. Может быть, одежда? Осанка...? Или то, как именно она сидела? Ему сложно было точно ответить на этот вопрос. Возможно, всё сразу.

— Что привело вас сюда, мисс Вандербург? — спросил Морган, когда она присела, но не начала говорить, давая Виктору мгновенно понять, что с девушкой Вэбер был знаком, раз в представлении она не нуждалась.

Мисс Вандербург сложила руки вместе, явно собираясь с мыслями.

— Я знаю, что не могу такого просить у вас и пойму, если вы мне откажете, решив не ввязываться в дела магов, — начала она, и после такой фразы явно не должно было последовать ничего хорошего, — Но... Мне нужно убежище. От моей семьи.

Морган выглядел весьма удивлённым такой просьбой, Виктор без труда считал это по выражению его лица.

— А причина какая? — вампир прищурился, сканируя девушку взглядом.

— Я сорвала свою свадьбу... — призналась она под этими изучающими глазами, сжав край своей юбки. Следующие слова дались ей особенно тяжело – это было заметно по тому, как дрожал её голос, — Я понимаю, что это совсем не ваше дело, но... мне больше не к кому пойти, — она подняла свой взгляд на Моргана, — Сейчас вы можете решить мою судьбу.

Виктор скорее понял, чем услышал, что она даже дышать перестала, ожидая вердикта.

Морган не ответил сразу. Он явно что-то взвешивал у себя в голове, но при этом Виктор уже догадывался, куда кренится чаша весов – каким бы жёстким и иногда жестоким не пытался казаться Вэбер, но внутри ему сложно было оставаться безразличным к чужому горю.

Сам Виктор не очень понимал, что такого должно было

произойти, чтобы аристократка бежала от своей привычной жизни не оборачиваясь, но навряд ли это была какая-то мелкая бытовая неурядица.

— Будешь работать на благо АООСС? — спросил, наконец, Морган. Девушка почти яростно закивала, будто от этого зависела её жизнь. А, возможно, так оно и было. Морган одобрительно хмыкнул, разводя руки в стороны в расслабленном жесте, мягко пожимая плечами, — В таком случае, могу ли я отказать в работе способному магу? — он медленно, будто в противоположность действиям девушки, покачал головой, — Думаю, что нет. Это не в интересах Ассоциации. А я не могу принимать контрпродуктивные меры, верно?

— Спасибо... — тихо выдохнула девушка, а после добавила уже громче, — Спасибо вам большое. Вы не представляете, какую помощь оказали мне сейчас.

Морган кивнул.

— Не за что, — а после обернулся к своему протеже, будто наконец вспомнил о его нахождении в этой комнате, — Виктор, — он позвал, заставив парня вздрогнуть от неожиданности, — Проведи мисс Вандербург небольшую экскурсию. И посели её в свободной комнате. Или ты собирался уже спать идти...?

Он посмотрел на него, и незаметная доля лукавства скользнула в глазах Моргана, но почти сразу же скрылась за профессиональной маской. Он явно заметил, что Виктор заинтересовался этой мисс.

— Нет, сэр, для меня честь... — выдал Виктор скороговоркой, а после неловко откашлялся, понимая, что со стороны наверняка выглядело это очень глупо. Тем не менее, мисс Вандербург мягко ему улыбнулась, впервые за вечер так спокойно и расслабленно, и он кивнул в сторону двери, — Прощу за мной.

Он показал ей основные и самые важные части базы, рассказывая какие-то нелепые истории по пути, лишь бы не допускать затягивающихся пауз, а она молча кивала, всё так же улыбаясь. Когда они подошли к концу в жилом блоке, он неловко кашлянул, прерывая на секунду свой бесконечный поток сознания.

— Ну... вот тут будет ваша комната, — он дал ей ключ от двери, сразу же пряча обратно свои руки, всё ещё перепачканные в угле. В Ассоциации было намного больше жилых помещений, чем, в общем-то, работников. Морган питал надежды на то, что когда-нибудь они наберут столько БиЗов и прочего персонала, что все эти комнаты будут использованы, но пока прибавление у них происходило как-то не очень линейно, — Если вам что-то понадобится, то я живу в конце коридора, — он указал на свою дверь, которую было отсюда видно, — Я сплю всегда в разное время, так что не стесняйтесь стучаться, мисс Вандербург...

— Шарли, — вдруг перебила она его. Виктор поднял на неё взгляд, поморгав с непониманием. Она усмехнулась, — Моё имя Шарли. Зовите меня так. И, если можно, давай пе-

рейдём на «ты»...?

Он кивнул, не в силах сказать что-то ещё. Она открыла дверь ключом, и скрылась за ней...

... Дверь базы АООСС хлопнула за ним сейчас — кто-то вышел. Шарли стояла с другой стороны — уже не та, что тогда, уже та, что сейчас. И он не знал, какую из них он предпочёл бы встретить.

В настоящем Шарли тоже улыбалась, но эту улыбку сложно было описать как-то однозначно — она выражала и облегчение, и радость, и какую-то скрытую тревогу, и в целом, он мог понять весь этот спектр чувств, потому что сам их разделял на данный момент.

— Я так рада, что ты жив... — прошептала она так тихо, что услышал бы только он, если бы Ник не был вампиром тоже. Сын понимающе отвернулся, давая им время, делая вид, что очень занят, разглядывая агитационный плакат на стене.

— Кхм... — откашлялся он, поняв, что смотреть на простую надпись «вступайте в наши ряды» дольше десяти секунд как-то странно, — Раз уж я на главной базе, пойду решу пару вопросов. И мне всё ещё нужно поблагодарить Базиля и его отряд, — Ника сдуло, как ветром, не успел кто-либо из них хоть что-то ответить. Шарли покачала головой, но после снова вернула всё своё внимание ему.

— Пойдём, Морган ждёт тебя, ему не терпится с тобой поговорить, — сказала она, взяв его за руку и потянув за со-

бой. Виктор на секунду застыл, и Шарли обернулась, почувствовав это, — Милый... Всё хорошо?

Виктор поджал губы, а после рвано и тяжело выдохнул весь воздух, который успел набрать в лёгкие.

— Он будет зол, что я так проебался... — тихо проговорил он, — Если бы я не нарушил тогда приказ, не поверил бы в себя слишком сильно...

Шарли вновь обняла его, проведя рукой по его затылку, приглаживая волосы.

— Поверь, он был зол, — не отстраняясь, прошептала она, — Но с тех пор прошло уже полсотни лет. Даже для вампира это много. Он невероятно по тебе скучал. Идём.

Она отпустила его, а после протянула ему руку. Виктор осторожно взял её тонкую ладонь в свою и кивнул.

... Теперь он стоял перед дверью в кабинет Моргана. Удивительно, но, несмотря на все изменения вокруг, дверь эта выглядела точно так же, как раньше, и у него создавалось странное ощущение, что время за ней, должно быть, остановилось. Что он зайдёт сейчас, и для Моргана тоже не прошло всех этих лет, и всё будет, как прежде, но...

Но это было бы слишком хорошо. А Виктор знал – очень давно ничего хорошего в его жизни не было.

— Если хочешь, я могу зайти первая, — предложила Шарли. Он уже минуты три стоял перед кабинетом, задержав ладонь над ручкой двери, но так её и не коснувшись. Шарли пыталась вести себя, как обычно, и ничем себя не выдавала,

но учащённый даже для мага стук её сердца говорил о том, что его поведение заставляет волноваться.

— Нет, — сказал Виктор, вдохнув поглубже, будто перед прыжком в воду, — Всё нормально.

Он медленно открыл дверь. Комната находилась в не очень приятном полумраке, но его вампирское зрение привыкло к этому практически за секунду. Вопреки надеждам Виктора, внутри кабинет изменился до такой степени, что в нём почти не угадывались старые очертания, которые он ожидал увидеть. Единственное, что осталось неизменным — его собственное кресло, стоящее теперь в дальнем углу и накрытое какой-то тканью от пыли.

Это место больше не было частью «его» прошлого. Теперь это просто был очередной кабинет важного человека. Виктор надеялся, что хотя бы сам Морган не так изменился.

Он наконец встретился с ним взглядом. Морган сидел за столом. Он не проронил ни слова, но смотрел странно. Виктору сложно было понять его выражение лица, но раньше тот никогда не смотрел... так. Внешне он действительно был всё тот же, но эмоции его казались странно-чужеродными. В нём больше не было ничего от сильного, грозного вампира. Только бесконечная усталость и... какой-то трепет. Неужели, из-за него...?

— Здравствуй, — сказал Виктор, ощущая себя неловко и не зная, что нужно говорить в таких ситуациях. Навряд ли у кого-то вообще был список советов о том, что нужно

сказать блудному сыну, вернувшемуся после шести десятков лет отсутствия.

Морган медленно поднялся, словно боялся делать резкие движения – как будто тогда этот мираж перед ним рассыплется. Он всё так же медленно обошёл стол, ни на секунду не отводя глаз от Виктора. А после подался вперёд и взял обоими руками его за плечи, сжимая весьма ощутимо.

— Ты дурак... — прошептал на грани слышимости Морган, — Какой же ты глупый, самоуверенный, безрассудный, невыносимый дурак... — он выдохнул, сглотнув ком в горле.

Виктор ощутил прилив стыда и отвёл взгляд в сторону. Он знал, что облажался, а теперь ещё и имел представление, какую цену ему за эту ошибку пришлось заплатить.

— Ну, видимо, безрассудство – это у нас семейное... — невпопад сказал он, не зная, что ему ответить, и должен ли он вообще отвечать сейчас. Он был виноват. Перед Морганом, перед Шарли, перед Ники и, в конце концов, перед самим собой. Возможно, ему просто стоит принять заслуженные обвинения молча...?

Вместо ожидаемого продолжения перечисления всех его прегрешений, Морган... обнял его.

«Как-то много объятий за этот день. Больше, чем за последние шестьдесят лет...» — на самом деле, ему не очень нравилось, что его трогают – это вызывало какое-то болезненное ожидание, и Виктор был уверен, что пока просто не помнит причину этого чувства, но навряд ли там было что-

то хорошее. Тем не менее, он стоял послушно, не пытаясь вырываться, но и не делая ничего в ответ.

Кажется, что пока только Ник понял, что его лучше не трогать. А, может, он просто не рискнул его касаться.

— Когда я потерял твою мать, — начал Морган, не заметив его ступора, — Я думал, что сойду с ума, но у меня всё равно оставалась надежда... Пока ты не пропал. Я...

Виктор тяжело сглотнул. Воспоминания полоснули по-новому. Но ему сейчас не хотелось утяжелять и без того простое воссоединение.

— Не надо, — попросил он. Разговоры об общих потерях никогда не давались ему хорошо, — Пожалуйста.

— Ладно... ладно, — повторил Морган, кивая. Он сделал глубокий вдох, а после отстранился, и будто взял себя в руки. На секунду Виктору даже показалось, что перед ним снова его наставник из далёкого прошлого – метаморфоза была удивительной, — Скажи мне, что ты помнишь о том месте, где тебя нашли?

Привычный профессиональный тон казался ему куда лучшей альтернативой этому «новому» Моргану, но тема, которую тот затронул, была несколько спорной.

Виктор поджал губы, задумавшись. Нику он соврал, что не помнил ничего, но частично в этом была и правда – большая часть его собственных воспоминаний будто оказалась ему теперь недоступной, как если бы на них повесили замки, ключи от которых он где-то потерял.

— Я помню... — он нахмурился, — Много учёных. Они постоянно брали у меня кровь, — ощущение иголок в венах по всему телу до сих пор фантомно его преследовало, хотя на анализ сейчас с него взяли только одну пробирку и только из левой руки, — Не знаю, зачем...

Шарли тяжело вздохнула за его спиной. Но вместо неё снова заговорил Морган:

— Они вывели из твоей крови первую сыворотку, пре-
вращающую людей в сверхсуществ, — он на секунду запнулся, было заметно, что ему было тяжело об этом говорить, но Морган продолжил, сохраняя нарочито беспристрастный тон, — В твоём конкретном случае – в вампиров, способных ходить под солнцем. Их... много сейчас. Но это только если судить по тем, что мы смогли найти на базах. Так их, наверное, намного больше.

— Они нашли способ создавать живорождённых вампиров? — удивился Виктор. Долгое время это оставалось привилегией только их семьи. Особый «дар свыше», на деле являющийся лишь удачной комбинацией генов. Наверное, Станислав просто в бешенстве.

А потом Виктор подумал о Моргане – какого это знать, что твой сын не мёртв, а где-то прямо сейчас из него делают все эти ужасные сыворотки? И это продолжалось десятилетиями. Не удивительно, что он показался ему настолько потухшим в первые секунды. Был ли он таким всё время до его возвращения...?

Шарли, которая до этого момента предпочитала не влезать в их воссоединение, подошла поближе, и он увидел, как наморщился её нос.

— Поверь, ты не хочешь знать, как они додумались это делать, — она неуютно повела плечами, — Но да. Они смогли разработать такую сыворотку. И потом ещё много других. Мы зовём всех этих существ модификантами, — Шарли как-то странно на него посмотрела, но продолжила, — У меня есть два учёных, которые занимаются сейчас вопросом создания антидота. Потому что... — она невесело усмехнулась, бросив не очень довольный взгляд на Моргана, — НР создали сыворотку, которая превращает людей в мертвецов. И они выкашивают целые деревни. Не знаю, почему они медлят, но это лишь вопрос времени, когда они решат запустить такую же сыворотку на целый город. А у нас до сих пор нет антидота или какого-то другого решения.

Виктору такие новости совсем не понравились.

— А солнце им не вредит? — уточнил он, хотя уже предполагал, каким будет ответ.

— Нет. Они... я думаю, они сделали эту сыворотку тоже из твоей крови, — Шарли смущённо отвела взгляд. Ей не хотелось вываливать всё это на только что вернувшегося Виктора, но впервые за много лет она почувствовала, что рядом есть кто-то, кто может взять часть её груза на себя.

Морган же, в свою очередь, снова положил руку ему на плечо, привлекая внимание, и заговорил тем самым своим

голосом, настроенным на убеждение:

— Тебе нужно постараться вспомнить всё, что ты сможешь вспомнить, — от его взгляда Виктору стало не по себе, хотя тот даже не был зол. В прошлом он бы не обратил на это вообще никакого внимания, но сейчас по затылку побежали неприятные мурашки, — Мы получили некоторые данные с той базы. Это может помочь восстановить хронологию событий в твоей голове. Я... — он отвёл взгляд, теперь смотря на Шарли, а не на него, — Я думаю, нам нужно создавать ответное оружие, — слова Моргана звучали внушительно и, казалось, он всё уже решил. Глаза Шарли округлились.

— Ты в своём уме?! — выпалила она, ничуть не стесняясь Виктора. Ей казалось, что Морган, откровенно говоря, окончательно двинулся головой, — Разве не ты главный адепт гуманизма?!

— Ты сама говорила, что мы проигрываем с нашими методами, — спокойно заметил Вэбер, — Сейчас, когда Виктор здесь, у нас есть шанс предупредить катастрофу...

Шарли почти отчаянно рассмеялась.

— Чтобы предотвратить катастрофу, мы должны были начать что-то делать ещё месяцы назад, если не годы! — она всплеснула руками, — Но ты не давал мне! А сейчас у нас уже нет времени! Мы не знаем, как скоро этот процесс перейдёт на новый уровень!

— Шарли, — голос Моргана звучал холодно. Он прищурил глаза, — Ты будешь оспаривать мои решения в моём ка-

бинете? После того, как я спас тебя? Дал тебе работу и новый смысл?

Она глубоко вдохнула, сжав руки в кулаки. Он никогда раньше не прибегал к тому, чтобы манипулировать ею, давя на больное. Шарли понимала, что сейчас им уже движет не горе, и, отнюдь, не профессионализм. Сейчас им движет жажда мести и крови. Но на данный момент у неё не было возможности как-то его урезонить.

Она бросила взгляд на Виктора, но по его растерянному лицу было понятно, что кого-то из них поддерживать он не собирается, скорее всего ещё не в полной мере осознавая масштабы проблемы и с какой стороны в неё включиться.

— Нет, сэр, — вновь посмотрев прямо в глаза Моргану, выдавила она тихо сквозь зубы, почти на грани слышимости, — Простите мою вспыльчивость.

— То-то же, — сказал Морган, удовлетворённо кивнув. Он отошёл к своему столу, — А сейчас тебе, Виктор, стоит отдохнуть. Завтра мы начнём разбираться с твоими воспоминаниями. Постарайся хорошо выспаться.

Виктор медленно кивнул на прощание. Но когда Морган повернулся к столу, он поймал его взгляд в отражении стекла. Тот смотрел не на него. На его руки. На шею. Те места, откуда брали кровь. На то, что можно использовать.

Отчётливо стало ясно – это теперь другой мир, другая семья. Он вернулся не домой – он вернулся на базу.

И ничего уже не будет, как прежде.

Глава 2

Наконец Ник, впервые за последние несколько суток, почувствовал себя немного свободнее, будто какой-то груз, неумолимо тянущий вниз, упал с его плеч. Даже дышать стало легче, когда он переложил часть ответственности за отца на Шарли и благополучно удалился восвояси, стараясь выглядеть при этом максимально естественно и убедительно, но неумолимо терпя поражение в такой, казалось бы, мелочи.

Ему бы хотелось сказать, что раньше он не замечал за собой привычки избегать проблем, но как тогда можно было назвать его эпический переезд с континента в Паст-Эйн? Он был хорош, когда дело касалось работы. А более тонкие материи и чувства можно было игнорировать.

Сейчас это всё уже было не важно. Главное – результат. Теперь на какое-то время он оказался предоставлен сам себе и даже стены главной базы казались не такими угнетающими, как обычно.

Но результат, на поверку, тоже оказался не особо удовлетворительным – стоило помахать ручкой и скрыться за первым поворотом, и на него сразу же навалилась дикая усталость, которую он старался пока придержать хотя бы ещё немного, прежде чем он окончательно отключится на любой условно горизонтальной поверхности и проспит минимум

часов двадцать подряд.

Сейчас ему действительно стоило переговорить с Базилем, пока есть такая возможность. Хотя бы чтобы оправдаться перед самим собой, что он не просто позорно сбежал, а действительно пошёл решать неотложные дела.

Пара петляющих коридоров, поворот налево – он редко бывал в головном офисе, предпочитая курировать Паст-Эйн и отписываться от совета отчётами и другими бумажками, ссылаясь на большую загруженность, но его память была слишком хороша, чтобы эти передвижения стали проблемой, которую он не смог бы решить самостоятельно.

— Привет, — Базиль встретил его на базе в своём крыле. Удачно, ведь его могли послать куда-то на очередное задание ещё вчера вечером. Или он просто мог и вовсе улететь домой – в отличие от Ника, у Базиля была семья. Его заместитель и главная помощница, Джаннет, тоже приветственно кивнула, когда он вошёл в просторную зону отдыха.

Здесь у БиЗов был почти карт-бланш на всякие приятные штуки. А вот в Блэсиле ему приходилось едва ли не драться за финансирование. Что-то упиралось в деньги. Что-то – в кадровый голод. И получалось так, что большую часть времени он воевал не с Новым Рассветом или другими исключительными проблемами, а с бюрократическим хаосом и отсутствием ресурсов.

Раньше он не считал, что вырос с золотой ложкой во рту, но, оглядываясь, понимал некоторую привилегированность

своего положения, из-за которой обычная взрослая жизнь поначалу показалась ему каким-то адом. Он никогда ни в чём не нуждался. А теперь приходилось побираться, чтобы держать свой филиал на плаву.

— Привет, — на лице Ника на долю секунды появилась слабая улыбка, но тут же пропала. Он был рад видеть друга, но этот факт не очень скрашивал общее настроение, — Я тут мимо проходил и решил... — он неловко провёл рукой по волосам, а после на выдохе произнёс, — Сказать спасибо.

Базиль посмотрел на него долгим взглядом, а потом фыркнул, пожав плечами так безразлично, будто ситуация не имела к нему вообще никакого отношения.

А Нику стало парадоксально легче от того, что Сантьяго решил не заострять на этом своё внимание вообще. Из-за такой реакции казалось, что и он сам может сделать вид, что всё шло, как обычно, и ничего особенного в его жизни не случилось. Хотя, работало бы это ровно до того момента, как ему снова бы пришлось столкнуться с этой неутешительной реальностью.

— Да ну, пустяки, — отмахнулся Базиль, побегав глазами по помещению, как обычно делал, когда раздумывал, — Тебе бы наверняка всё равно сообщили обо всём, просто немного... — он вздохнул, поджав губы, — Позже, — а потом зачастил, боясь, что его перебьют, — Просто я подумал, что если кто-то и должен узнать эту новость раньше всех, то это, наверное, ты.

Ник усмехнулся. У Базиля было своё мнение на каждый вопрос, который хотя бы сколько-то его касался, однако большую часть времени он старался это никак не демонстрировать. Вероятно, чтобы не вылететь с работы, которую по непонятной причине любил.

— Ну, по регламенту, это должен был быть не я, если говорить откровенно, — напомнил Ник, соорудив серьёзное выражение лица, — Поэтому и спасибо. Хотя мне, наверное, стоило бы тебя поругать. Чисто в воспитательных целях, — вся строгость разбилась об ухмылку, заигравшую на его губах.

— Регламенты эти... — Базиль поморщился, покачав головой. Он был не тем человеком, которого можно было заставить всё делать по методичке, и оттого его отряд, что парадоксально, был весьма эффективен, — Слушай, раз ты тут, я хотел спросить, какая кошка пробежала между нами и Т-Медикал? — неожиданно перевёл тему он, застав этим Ника врасплох.

Вампир осознавал вопрос примерно пару секунд, пытаясь понять, слышал ли он что-нибудь от них в последнее время, а после нахмурился.

— В смысле? — спросил он, так и не припомнив никаких новостей за ближайшие пару недель, которые могли быть связаны с этой компанией. С другой стороны, во всём ворохе дел, он мог просто что-то упустить, не придав значения, — А что у нас с ними? Какие-то проблемы?

Базиль нахмурился в ответ и как-то неловко кашлянул, помедлив, прежде чем снова начать говорить.

— Мне отказали в поставке оборудования, — ответил он. Джаннет что-то молча забила на своём телефоне, а после показала экран Нику. На нём действительно было письмо с отказом, — Я сначала подумал, что это какая-то ошибка, но они дважды отклонили мой заказ на начинку неотложки для БиЗов на границе между Ирэйнсом и Кастаэрией. Это... — Сантьяго неуверенно пожал одним плечом, — Что-то новенькое? Я, конечно, мог бы попробовать надавить через отца, всё-таки, они реализуют много его патентов, но решил сначала узнать у тебя или у кого-нибудь ещё, — он неловко хохотнул, — Вдруг это я просто такой везучий и поэтому влетел в списки персон нон-грата. И теперь мне шиш с маслом только светит... — он перестал смеяться, и улыбка на его лице выглядела растерянно, — Но я даже не знаю, что бы я мог такого сделать, чтобы заслужить сию честь.

Ник что-то прикинул в голове, но пазл как будто сходиться не собирался — не хватало деталей.

— Это всё очень странно, — выдал он в конечном итоге, устало вздохнув, — Не могу тебе сейчас ответить ничего конкретного. Но я постараюсь разобраться, — пообещал Ник, а обещания он выполнял всегда, поэтому страшно не любил их давать, — У нас с ними долгосрочное сотрудничество, этому должно быть какое-то рациональное объяснение.

— Спасибо... — кивнул Базиль, задержав на нём стран-

ный взгляд, а после повернулся к своей помощнице, — Дженни, иди-ка погуляй. Когда ещё у нас выдастся свободный денёк в столице, правда? — она медленно кивнула и понятливо удалилась. Стоило двери за ней закрыться, как обычно насмешливый вид Базиля стал слегка встревоженным, — Как... Как ты вообще?

Никаких дополнительных уточнений, но они и не были нужны. Уж точно не в той ситуации, в которой сейчас оказался Ник. Вопрос отвечать или нет не стоял — Сантьяго спрашивал это искренне, и врать ему почему-то не захотелось.

— Как будто меня пропустили через мясорубку, — признался Ник, а после спохватился из-за того, как это могло прозвучать со стороны. Он вскинул руки в защитном жесте и зачастил, — Я очень рад его возвращению, не пойми меня неверно, но я и без того по уши погряз в делах. И это... — он запнулся, — Это всё так тяжело. Жизнь не останавливается ни на секунду, какая бы херня вокруг тебя не происходила, и я... — он прикрыл глаза, — Я просто устал. Вот и всё. А теперь мне надо не только вывозить себя и целую гору дел, но и следить за его благополучием. А я даже не знаю, *кто* сейчас вернулся и сидит разговаривает с моей матерью.

Базиль понятливо поджал губы и покивал на все его слова, не перебивая, заговорив только тогда, когда Ник закончил.

— Я бы на твоём месте с ума сошёл, — он похлопал вампира по плечу.

Это прозвучало так просто и правдиво, что Нику захоте-

лось расхохотаться, но ситуация как-то к этому не располагала — насколько он должен быть близок к безумию, чтобы сорваться сейчас в нервный смех?

— Ты же понимаешь, что это мало похоже на поддержку? — осведомился Ник вместо этого, изогнув бровь.

— Чем богаты, тем и рады, — пожал плечами Базиль, — Как умею.

Базиль был младше Ника на очень много лет, но иногда вампир совершенно об этом забывал. Выглядели они одинаково, но младший Сантьяго старел, как обычные люди — он был то ли гибридом между человеком и магом, то ли экстрой — Ник не спрашивал, считая это чем-то слишком личным. Но теперь, казалось, в свете новых обстоятельств, было бы неплохо узнать что-то о друге в ответ. Не сказать, что у Ника в целом много друзей, чтобы ему было сложно запомнить пару фактов о человеке, который, считай, спас его отца.

Но, из-за пропасти лет между ними, странно, наверное, было спрашивать у него совета — что может такого нового сказать человек, который прожил почти в половину меньше тебя? А с другой стороны, выбор у него был не особо велик — все, у кого он мог попросить наставления были либо сами слишком включены в эту ситуацию, либо остались в Паст-Эйне.

— Что бы ты сделал, если бы это случилось с тобой? — всё же спросил Ник после непродолжительного молчания, — Помимо сумасшествия, само собой.

Базиль на секунду поднял глаза к потолку, раздумывая над ответом.

— Я бы приставил к нему отряд охраны, — сказал он, дёрнув головой так, что завиток тёмных волос забавно подпрыгнул перед его лицом, — Но не слушай меня как истину в последней инстанции, — он заглянул Нику в глаза, — Я тупой БиЗ и понимаю только конкретные методы, большая часть из которых – применение физической силы... — Базиль поморщился, — И отношения с отцом у меня весьма далёкие от идеала. Но если делать какое-то сопоставимое сравнение... — он замолчал, и взгляд его помрачнел, — Я бы продолжил копать под Новый Рассвет. Что бы они ни делали, лишняя настороженность никогда не мешает с этими *идиотос*... — на секунду Нику показалось, что у Базиля прорезался типичный акцент, характерный для жителей Блоуриджа, но он пропал так же быстро, как и появился, — На базе удалось собрать какие-то данные с локального сервера, но доступ мне, конечно же, не дали. Попробуй ты узнать, у тебя всё-таки уровень повыше моего.

— Спасибо, Базиль, — кивнул Ник. В целом, этим он и собирался заниматься, как и обычно, так что совет Базиля попал в точку.

— Спасибо на хлеб не намажешь, — закатил он глаза, возвращаясь к беззаботному тону, даже ткнул вампира указательным пальцем в плечо для пущей убедительности, — Узнай, за какие грехи мне зажали оборудование, и я из шта-

нов выпрыгну от счастья.

— Хорошо, — усмехнулся Ник, наконец, расслабившись, — Но штаны всё-таки оставь при себе.

— Какой ты скучный, — отмахнулся Базиль, отходя к большому книжному шкафу. Они никогда не прощались, и обычно разговор заканчивался тем, что кто-то из них включался в свои дела, — Иногда забываю, что ты возрастом, как мой старик.

— Что ты там бурчишь в эти несчастные книги о политике Кастаэрии? — усмехнулся Ник, хотя отлично всё расслышал бы, даже если бы Базиль говорил шёпотом, — С меня выпивка в следующий раз, как будешь в Паст-Эйне...? — попробовал реабилитироваться он.

— Вот теперь другое дело, — весело фыркнул Базиль в удаляющуюся спину Ника, обернувшись, — Ловлю на слове.

— О, какие люди, — Химена медленно вошла в кухню, опираясь на трость, издавая при этом постукивающие звуки и морщась от них каждый раз. Она слишком привыкла быть незаметной и бесшумной, чтобы это не казалось ей подобным грохоту, с фанфарами оповещающему всех о её прибытии.

Было даже со стороны очевидно, что лишний шум раздражал её, но сейчас оставалось только мириться с этим временным неудобством. Ей вообще всё ещё сложно было осознавать, что она чуть не погибла.

На кухне уже не первый час сидел Генри, задумчиво морщащийся над какой-то газетой, от нечего делать решая кроссворд на обратной стороне. Он отсалютовал ей чашкой, когда Химена вошла.

— Удивительно, да? — Генри поднял на неё взгляд, бросив попытки подогнать придуманные им ответы под количество букв – всё равно ничего не получалось, даже если написать «*новатАр*», — По сути, тут должно проживать пять человек на чуть больше 120 квадратных метрах, а я вижу людей в лучшем случае во сне, — Генри недовольно цокнул в свою чашку, прежде чем сделать глоток.

Химена почему-то на секунду подвисла, странно на него посмотрев. У Генри даже возникло желание пощёлкать перед её лицом пальцами, но это было бы как-то совсем неуважительно, а они тут пытались быть продуктивной командой.

— Эй? Если бы так Орион застыл, я бы решил, что у него микросхемы перегрелись, — фыркнул он, хотя в голосе и проскользнула лёгкая тревога, — А с тобой-то что?

— Ничего... — Химена откашлялась, — Просто... Не замечала раньше, как это место напоминает мой дом, — сказала она, пожав плечом.

Генри приподнял бровь, оглядев помещение, пытаясь понять, что именно могло навести её на такие мысли. Вся эта обстановка – обшарпанная кухня, чашка со сколом на боку и смятая пополам газета – явно не были признаками благополучия, но, увы, не Генри о таком судить – свой дом он не

ПОМНИЛ ВОВСЕ.

— Ха, это чем же, отсутствием людей? — попытался отшутиться он, — Раз уж ты об этом подумала только сейчас, когда нас по пальцам одной руки фрезеровщика со стажем можно пересчитать.

Шутка получилась неловкой и неестественной из-за того, что и самому Генри эта пустота давила на мозги.

— Твоя правда, — сказала Химена, чтобы молчание не затягивалось, хотя раньше казалось, что ей почти физически сложно было хоть в чём-то согласиться с Генри, — В последнее время я всё реже натыкаюсь на кого-нибудь здесь. Такое чувство, что зануда ночует в лаборатории с этой своей женщиной, а мы тут как бедные родственники ждём, когда они снизойдут до нас...

Она прошла вглубь помещения, слегка задев стоящий почти по центру кухни пустой табурет, на котором обычно сидел Варт.

Генри покивал головой, пустым взглядом посмотрев на несчастный стул с тремя ножками. За последние годы он привык справляться сам и ему казался почти пугающим тот факт, как быстро он снова прикипел к работе в команде, и, в частности, к Варту, который выслушивал всё его дерьмо и прикрывал ему спину когда-то давно, будто в другой жизни. А теперь это всё у него ещё и «отобрали», не дав толком распробовать это ощущение поддержки со стороны.

— Ну, у них там работа. И вроде какие-то шуры-муры.

Или что-то такое... — на самом деле, Генри не был уверен. Забавно выходило — он только успел узнать о том, что Мирославу кто-то в принципе понравился, потом узнал, что этот кто-то погиб незавидной смертью, а потом экспромтом ему доложили новость, что вот она, Маргарет, непонятно как живая и находится здесь. И теперь они работают вместе над чем-то, что должно чуть ли ни стать последней надеждой человечества — по крайней мере, так решил сам Генри, послушав очень сухие рассказы Варта.

Вся эта информация плохо укладывалась в голове, новая угроза казалась неясной и размытой, потому что данных им не выдали, ограничившись тем, что всё нужное знают Маргарет и Мирослав. Как будто Генри или та же Химена могли поделиться секретами с кем-то извне — их даже не выпускали за пределы базы!

Но даже со свалившейся на их головы проблемой, Генри был рад за друга и неожиданное воскрешение его возлюбленной.

Но тут возникал другой не менее насущный вопрос — он сам уже хотел на стену лезть от безделия. Пока где-то в лабораториях денно и ночью пахали два учёных, на задания никого не отправляли. Формально, они всё ещё убойный отряд, поэтому покидать базу без особых причин им нельзя, а делать тут было абсолютно нечего. Он ходил в зал, постепенно восстанавливая форму, почти всегда один. Иногда за ним увязывался Орион, для которого это всё вообще едва ли име-

ло толк, и они просто молчали, иногда попинывая друг друга на ринге, чтобы Генри мог потренировать удары и уклонения.

Варт утонул в делах, и в те редкие моменты, когда он поднимался сюда, в отделённую им зону, его неизменно сопровождала Маргарет. Она казалась милой женщиной, хотя по Варту было сложно сказать, делает ли её присутствие его счастливым или нет.

Он выглядел так, будто работает на износ и вот-вот отдаст богу душу. Но, когда Генри ему на это указал, Маргарет за него лаконично ответила, что в лаборатории Варт так выглядит абсолютно всегда, а раньше, в Новом Рассвете, бывало и хуже.

Это неприятно кольнуло внутри — какая-то женщина знала его друга детства куда как лучше, чем сам Генри. И смела отвечать на вопросы вместо Мирослава, а тот даже не раздражался!

Химена закатила глаза и цокнула языком, не очень довольная не только его словами, но и тем, что после них он занырнул себя, поэтому поспешила отвлечь его от мыслей и вернуть фокус на себя.

— «Шуры-муры»? Тебе что, пятьдесят? — она зарылась с головой в холодильник, доставая оттуда две бутылки пива, непонятно откуда там взявшиеся. Вопреки своей природной аккуратности, она будто специально поставила их на стол с соответствующим звоном.

— Я не пью...! — не успела она сказать что-то ещё, как Генри вскинул руки, с почти что благоговейным ужасом, — Больше нет...

— А я это и не тебе достала, — приподняла одну бровь она, падая на табурет с противоположной стороны стола, туда, где обычно сидел Велиал, — Это всё мне. Сильные обезболивающие мне больше никто не выдаёт, — она откинулась на стену, так как спинки их стульям не подвезли, ставя рядом с собой костыль, — Ну что, ваше светлейшество? Поболтаем?

— С чего бы это? — удивился Генри, с подозрением прищурившись, — Не припомню, чтобы ты меня включала в свой круг самых близких подружек, с которыми можно перекинуться сплетнями за пивком, — он сложил руки на груди.

— Ну... — она неопределённо махнула рукой, — Времена меняются, знаешь ли. Сейчас у нас с тобой как-то не шибко много вариантов, с кем поговорить, не так ли? — Химена на удивление без особого труда открыла бутылку, подцепив крышку углом стола, — Мы в одной лодке, я бы даже сказала, подлодке, и количество моряков тут предельно ограниченное, — она сделала глоток, поморщившись, но никак не прокомментировав вкус, — К тому же Варт очень красноречиво и настоятельно рекомендовал мне ему ничего не рассказывать, потому что он мамкин манипулятор или что-то такое, — Химена махнула рукой, — Точно уже не вспомню, как он говорил, я была обколота обезболом во время этого

разговора...

Генри хлопнул ладонью по столу, прервав её.

— Вот же сукин сын, а как я ему что-то говорю, так сразу «да, давай, расскажи мне все моменты, где ты *проебался*», — он не очень похоже изобразил Варта, даже добавив одно из немногих слов на бильсе, которое знал, а после цокнул недовольно языком, заставив Химену рассмеяться, хотя скорее работал на публику, чем действительно злился. На какое-то время он замолчал, сделав глоток из своей чашки. Химена тоже пригубила, на этот раз даже не поведя бровью, привыкая к неприятной горечи. Генри посмотрел на неё задумчиво, а после всё же спросил то, что давно вертелось в его голове, — Как ты себя чувствуешь?

Его ведь не пустили к ней тогда. А потом, когда её выписали, он уже не мог подобрать момент, уместный для подобных расспросов.

Химена неопределённо пожала плечом, но всё же ответила, ведь, по сути, сама инициировала этот разговор.

— Ну... Нога ещё ощущается так, будто я не очень могу ей доверять... — Химена пошевелила ею и поморщилась, — А так... — она вздохнула, забежав взглядом, будто ей было неловко, — Мне тут птичка кое-что нашептала. Про мою семью.

— И ты хочешь поговорить об этом со мной? — брови Генри поползли вверх. Но Химена в ответ отрицательно качнула головой, заставив его нахмуриться в надежде понять,

чего всё-таки от него хотят.

— Нет. Я просто... — она смешно наморщила нос, делая сразу несколько глотков, но Генри дал ей время обдумать то, что она собирается сказать, не перебивая глупыми ремарками, — Пытаюсь понять... Некоторые вещи. Возможно, если бы кто-то ещё это выслушал, то смог бы дать мне парочку идей, которые пока не рождаются в моей голове.

— Ну, за идеями тебе явно к Мирославу, я последний человек, который может сгенерировать что-то удачное в своей голове, — хохотнул он, — Или к Маргарет. Она же тоже учёный. И эта ваша... Как она? Женская солидарность?

Химена сжала зубы при упоминании Маргарет, и Генри просто не мог этого не заметить.

— Ну уж нет, — прошипела она, — Последний, кто вызвал бы у меня доверие — это эта вертихвостка.

Заявление было интересным, хотя бы из-за того, что делились эти две женщины не так часто, чтобы Маргарет успела где-то перейти Химене дорожку. Разве что...

— Ты что, ревнуешь? — усмехнулся Генри, — Серьёзно? Из-за Мира?

Химена посмотрела на него долгим, смертоубийственным взглядом.

— Просто напомню, что вы мне, хоть и с очень большой натяжкой, могли бы и отцами быть, — проговорила она, чётко разделяя слова. И добила нужного эффекта.

На осознание данной фразы Генри понадобилась пара

долгих секунд, но, когда смысл сказанного до него дошёл, его лицо выразило чистое, ничем не прикрытое удивление.

— Сколько тебе лет?! — его глаза округлились, когда он выпалил это, даже не успев подумать толком. Генри никогда не придавал этому особого значения, не было такой необходимости. Ей явно было больше восемнадцати, иначе её бы просто не взяли в отряд, но он никогда не задумывался, насколько молодой она действительно может быть.

— Неприлично такое у женщины спрашивать, так что завались, — отмахнулась от него Химена, выглядя не прикрыто довольной такой реакцией.

— Ладно... — выдавил из себя Генри, заставляя свой мозг не пересматривать прямо сейчас все ситуации, в которых вёл себя по отношению к ней двусмысленно, — А... почему тогда ты ей не доверяешь? — увёл он разговор со скользкой темы.

— Не знаю, — она помедлила, подбирая слова, — Не думаю, что дело конкретно в ней. Просто обычно я не доверяю вообще никому. Это к вам я уже как-то привыкла, всё-таки, нельзя оставаться равнодушным к тем, с кем жрёшь на одной кухне и периодически отправляешься на верную смерть, — Химена пожала плечами, будто только что не сказала что-то очень личное.

Генри об этом как-то сам не задумывался. Он не был командным игроком никогда, и до этого момента ему казалось, что ощущение принадлежности создаётся только из-за наличия Варта, но, если пораскинуть мозгами, Химена и Орион

тоже вошли в этот его небольшой кружок по интересам, и отрицать это было уже поздно. Только Велиал оставался большим чёрным пятном в этом отряде, но его, хвала богине, Генри не видел уже давно. Где тот шлёлся — не его забота, спасибо, что не здесь.

— Ладно, я понял, — сказал он, лишь бы пауза не затянулась слишком надолго, и мысли не сожрали его целиком, — Так что там с твоей семьёй? — вспомнил он то, с чего всё началось.

Химена покачала головой, отвечая не сразу.

— Поздно, Генри, момент упущен, — она сделала ещё несколько глотков, будто думала, что таким образом можно поставить точку в разговоре. Не сработало.

— Серьёзно? — развёл руки в стороны он, обводя пространство вокруг них, — Какой момент, ты даже ещё одну бутылку не допила, а у тебя их вообще две.

Она облокотилась на стол, как-то ссутулившись, и вся бравада из неё исчезла, заменяясь на апатию.

— Забей... — она вздохнула, а после качнула головой, горлышком бутылки указав на него, — А какие у тебя отношения с твоей семьёй? Вы общаетесь?

— Ха-ха, очень смешная шутка, обхохочешься просто... — Генри недовольно сложил руки на груди и откинулся назад, наращивая расстояние между ними, но потом он поймал её взгляд, полный непонимания, — Подожди, ты не знаешь? — он нахмурился, — Разве это не должно было быть напи-

сано в наших досье?

— Написано... что? — медленно проговорила она, приподняв бровь, призывая его объясниться.

— Мы с Вартом из детдома, — он пожал плечами. Его давно не трогало это всё эмоционально — просто очередной факт из его биографии, который, к тому же, хорошо ложился на его историю спортсмена-самородка и приносил дополнительные очки репутации в чужих глазах.

— О... оу, — она запнулась, явно не ожидая такого откровения, — Вот как... — Химена нахмурилась, и сложила руки перед собой в замок, — Так значит вы не знали своих родителей совсем?

Генри выдохнул, только сейчас осознав, что на какое-то время задержал дыхание — ожидал от неё привычного сочувствия и прочих соплей, которые люди тонким слоем размазывают по подобным историям, но Химена его приятно удивила, и эту часть разговора они благополучно пропустили.

— Знали, — отрицательно покачал головой Генри, — Просто и мои, и его погибли во время войны в Граусии. Тогда много детей осталось без родителей, так что это не какая-то редкость.

— Я никогда особо не интересовалась историей Кастаэрии, — задумчиво протянула она, — Не знала, что это было настолько масштабно.

— В смысле? — удивился Генри такому пренебрежению к истории, — Как можно этого не знать? На этом буквально

была построена вся дальнейшая внешняя политика. Что мы больше не оккупанты, и вообще почти не лезем в дела других стран, — потом задорно усмехнулся, но веселья в этом было маловато, — Но детей мы вам не вернём, дорогие повстанцы. И всё это годами подвергалось такой критике и постоянным обсуждениям, что проще было ослепнуть и оглохнуть, чем упустить это из виду.

— Я родилась и выросла на Блоуридже, — пожала плечами Химена, — Там всем на всех насрать, если только ты кому-то чего-то не задолжал... — на её лице растянулась привычная усмешка, — Но я понимаю, что человеку, который носит трусы с флагом, сложно представить, что люди могут не интересоваться внешней политикой его страны.

Генри недовольно уставился на неё.

— Долго ты ещё будешь об этом вспоминать? — спросил он, — У тебя какой-то нездоровый интерес или что?

— Просто забавный факт, который, так и быть, я унесу с собой в могилу, — она снова усмехнулась, но почти сразу помрачнела, — Раньше я вообще ничем не интересовалась кроме того, чем бы пожить и где этого всего побольше взять. Поэтому и покинула остров, переехав в Кастаэрию, хотя меня особо никогда не тянуло на континент... — следующую фразу она сказала тише, — А теперь оказалось, что моя мама была из Ирэйнса. И что она была магом. И я это узнала от Шарли. От Шарли! Не от матери или отца, а от женщины, с которой познакомилась пару месяцев назад, — она урони-

ла лицо в ладони, — Почему моя жизнь – какой-то нелепый фарс?

— Ого, — Генри нахмурился. Но решил, что сочувствие будет тут таким же лишним, как и в его случае, поэтому перешёл сразу к заинтересовавшим его деталям, чтобы немного вытянуть её из внутреннего беспорядка мыслей, — Значит, ты не экстрасенс? — он коротко усмехнулся, скорее нервно, проведя ладонью по волосам, — Ладно, может быть, политика – не самое большое твоё незнание в этом мире.

— Ага, — она посмотрела на него сквозь пальцы. Её голос всё ещё был приглушён ладонями, — Очень интересно теперь узнать, что вообще в моей жизни не было ложью.

Генри поджал губы. Да, звучало паршивее некуда. И эта фраза не очень хорошо откликнулась и внутри него, отдавая болью воспоминаний. Он помолчал, подбирая слова.

— Ну... — он поймал её взгляд, — А что принципиально изменилось от того, что теперь ты знаешь, что на самом деле маг, а не экстрасенс, если ты всё равно всю свою жизнь пользуешься способностями?

В его случае новое знание значило всё – девушка, с которой он хотел строить семью, просто поднимала известность за счёт его персоны, и в тот день мир для него рухнул. Но ситуация Химены была принципиально другой, и знать об этом ей было не обязательно – он уже отныл своё Варту.

Она нахмурилась, задумавшись над его словами.

— Ого, — выдала она в конечном итоге, — В твоей голо-

ве, оказывается, мелькают вполне умные мысли. Редко, конечно, но метко.

— Да я вообще умнейший человек, — нарочито гордо вскинул подбородок Генри.

Химена посмеялась над этим жестом, но потом замолчала. Она снова ссутулилась, становясь будто ещё меньше и тоньше, и ко всему прочему обняла себя руками как-то инстинктивно.

— Я просто... — голос её звучал тихо, почти едва различимо, будто это были мысли вслух, а не что-то, что она хочет сказать именно ему, — Хочу понять, почему она врала мне. Почему не могла сказать об этом. Почему... — она нахмурилась, и Генри показалось, что вот сейчас она точно расплечется, но этого не произошло, — Почему оставила меня...

Он напрягся, не очень уверенный, как ему стоит реагировать, и выбрал самую привычную тактику – перевести разговор на себя.

— Я бы хотел понять, почему родители решили оба расшибиться в лепёшку об повстанцев Граусии вместо того, чтобы быть обычной семьёй, но есть вещи, которые нам не дано осознать, — выдохнул он, внимательно следя за выражением лица напротив.

Химена подняла на него взгляд, а после подтолкнула указательным пальцем в его сторону закрытую бутылку пива.

— Может, всё-таки...?

— Нет, спасибо, — он покачал головой, проведя ладонью

по лицу, — Это не та часть моей прошлой жизни, по которой мне стоило бы скучать, поверь.

Она посмотрела на него странно, и впервые за всё время в её взгляде промелькнуло нечто, до боли похожее на уважение.

— Как знаешь, — пожала плечами она и поспешила вернуть разговор в прежнее русло, — Значит, твой отец был военным?

— Ага, — кивнул Генри, — И мама тоже. В этом мы с Вартом похожи.

«Только в этом,» — осталось за скобками его сознания.

— Получается, у вас обоих были семьи военных? — уточнила Химена, а потом попыталась сложить в голове два и два, но четыре всё равно не выходило, — Но он же... из Граусии. А ты из Кастаэрии.

— Спасибо, капитан очевидность, — выдохнул он с лёгким недовольством, — Всё так и есть. Два ребёнка, которые из-за войны остались без родителей. Только по разные стороны баррикад.

Она неопределённо хмыкнула.

— И как вы такие прикольные вообще решили стать друзьями или чем вы там были? — Химена с сомнением приподняла бровь.

— Хотел бы я тебе ответить, что дело в моей бесконечной харизме... — он попытался повторить то выражение, с которым смотрят лица с обложек журналов, но судя по веселью

в глазах девушки, у него ничего не вышло, поэтому он перестал. А после выдохнул куда тише, — ... Но на самом деле я понятия не имею.

Она усмехнулась.

— У вас как будто противоположные ауры, — сказала она, — Ну, из того, что я почувствовала, пока таскала ваши шмотки... — Химена проигнорировала осуждающий взгляд, — Наверное, поэтому у вас иногда получается работать в тандеме — дополняете друг друга, вся херня.

— Так было раньше, — Генри тихо вздохнул, отведя взгляд, — Сейчас уже сложно сказать, понимаем мы вообще друг друга или нет. Но я сам виноват, так что не мне судить его за отстранённость.

Химена страдальчески подняла глаза к потолку.

— Давай без самобичевания, — сказала она, — Я не так долго вас знаю, но мне кажется, что ему просто нужно время, чтобы переварить твоё возвращение в его жизнь. А потом опять будет дружба-жвачка и прочие вот эти вот розовые сопли.

— Сейчас у него уже есть достаточно важный человек в жизни, — напомнил Генри.

— Ну и что. Тебе же не замуж его брать, честное слово, — закатила она глаза.

— Ладно, — он решил, что они и так достаточно оказались чести Варту, а потому вернулся к основной теме, от которой Химена как будто пыталась бегать кругами, выдавая па-

ру мыслей, а потом говоря о чём-то совершенно отстранённом, — Что планируешь делать с новой информацией?

— Ну, как ты сам заметил, жить дальше, — она отставила опустевшую бутылку на край стола, задумчиво смотря перед собой, — И, может быть, что-нибудь ещё раскопать о моей матери. Но это уже не в ближайшем будущем. Сложно что-то делать, когда тебе нельзя даже покинуть здание.

— Ты можешь задать какие-то вопросы Шарли, — предложил Генри, — Не думаю, что она тебе откажет в поиске информации. Наверняка в базе АООСС есть что-то почти на каждого, особенно, на мага. Ну, а если вдруг она не захочет помогать, то ты всегда можешь давить на жалость, пока ходишь с этой своей палкой.

— Ха-ха, — невесело проговорила Химена, — Но такая идея, надо сказать, посещала и меня тоже. Я пока ещё думаю, как поговорить с ней об этом.

— Не сдавайся, — сказал он, потому что больше никаких советов в его голове не осталось. Но вдруг пришла ещё одна мысль, — А что с твоим отцом?

— А что с ним? — спросила она, нахмурившись.

— Ну... — Генри замялся, формулируя то, что хочет сказать, — Ты хочешь узнать больше о матери, потому что она тебя бросила. А твой отец... — её лицо стало каким-то мрачным при этом упоминании, а потому он уточнил, — Он жив?

— Наверное, — сказала она отстранённо, — Мы не общаемся с тех пор, как я уехала. Я решила оставить дом несколь-

ко лет назад, потому что всё надоело, а отец... — она показала головой каким-то своим мыслям, — Не хочу, чтобы он знал, где меня искать.

Генри посмотрел на неё с прищуром.

— И ты ещё в чём-то винишь свою мать, хотя сама, считай, сбежала? — спросил он.

— Это... другое, — сказала Химена, отведя глаза. Она будто хотела добавить что-то ещё, подвиснув на пару секунд, но передумала.

Она поднялась со стула и с постукиванием ушла, не попрощавшись. Закрытая бутылка осталась стоять на столе. Генри посмотрел на неё долгим взглядом, а после тяжело вздохнул и убрал обратно в холодильник.

Дела в лаборатории шли медленно и муторно. Варт только сейчас понял, что отвык от науки и постепенно вспоминал, как долго иногда можно работать, не получая толком вообще никакого результата, постоянно ошибаясь и слепо тыкаясь носом в какую-то невидимую преграду, которую никак не выходит обойти. Сейчас была именно такая ситуация, и ему казалось, что он напрягает свой мозг на все сто процентов, пытаясь решить задачу, правильного ответа на которую просто не существовало.

В какой-то момент они решили зайти с другой стороны. Просто на всякий случай попробовать нейтрализовать сывортку мертвецов, как они её обозвали, не человеческой ДНК,

а сверхъестественной. Сначала они использовали для этого кровь магов. Потом обратной. И пришли к интересному и немного неожиданному выводу – сыворотка вообще никак не взаимодействует с любыми ДНК, кроме человеческих.

— Выходит, сыворотка не берёт других сверхов, — Варт щурился в экран компьютера через стёкла своих очков. Здесь, должно быть, была какая-то ошибка, но сейчас они работали так, как привык он. А это значит, сто раз всё перепроверили, пока его мозг параноика не оставался удовлетворён. И результат этих исследований был вполне воспроизводим и из раза в раз выдавал одно и то же, — Перестройка ДНК просто не происходит, — он развёл руки в стороны, а его лицо выражало крайнюю степень озадаченности, — Это странно. Мага же можно обратить в вампира. И заразить мертвечиной... — он постучал указательным пальцем по подбородку, — Может, там должен быть какой-то катализатор? Или мы где-то ошиблись? В чём тут косяк...?

Он поднял глаза к потолку, думая о том, что ещё следует перепроверить и какие предположения можно вынести на основе всех имеющихся данных, но из мыслей его вырывает мягкое прикосновение ладони к его руке. Варт переводит взгляд сначала на чужую руку, лежащую поверх перчатки, а потом и на лицо Маргарет.

— Я думаю, это не косяк, — проговорила она, заглядывая ему через плечо, будто не придав никакого значения касанию, пристально посмотрев в экран, — Просто вспомни по-

стулаты Нового Рассвета.

— Говоришь так, будто не спала на их лекциях для особо одарённых, — он поморщился, пытаясь припомнить что-то полезное или хоть сколько-то значимое. Само собой, кроме того, что они все конченные фрики со странными идеями о мировом господстве, завёрнутом в заботу о «своём» народе.

Но его мысли возвращались к теплу на ладони, не давая сконцентрироваться на чём-то ещё. Он то и дело скользил взглядом туда, где их руки, разделённые тканью, соприкасались.

— Ну, не на каждой из них, — Маргарет кривовато усмехнулась, не глядя на него и не замечая этого напряжения, — Я просто не могу физически столько спать, сколько они пытались промывать мозги... — она отобрала у него мышку, наконец прерывая касание, и пролистала файл с результатами вниз, пробегаясь глазами по строчкам цифр и заключений, — Я думаю, они сделали это специально. Их задача не сверхов уничтожать, а истребить людей. Или заставить их обратиться. Чтобы сверхами были все.

— Очень умно, — голос Варта насквозь был пропитан едким сарказмом. Он мимолётно взглянул на свою ладонь в последний раз, но продолжил, — Никакого расового неравенства, если все перестанут быть людьми, ведь так? — он усмехнулся, — Жаль, что это всё лишь влажные мечты, потому что они по какой-то причине не подумали, что сегодня все объединяются, чтобы дружить против людей. А по-

сле такого поворота, если он, конечно, пройдёт гладко, в чём я очень сомневаюсь, все начнут воевать уже друг с другом. Или они правда думают, что вампиры и маги обнимутся и перестанут решать, кто из них древней и сильнее? — он покачал головой, — Как бы не так. Они и сейчас-то терпят друг друга скорее для того, чтобы выдерживать натиск людей и вместе гонять воздух пропагандой о мире во всём мире.

— Звучишь так, будто вообще не веришь в то, что кто-то объединяется не для противостояния другим, — с сомнением проговорила Маргарет.

Варт тяжело вздохнул, поправляя очки.

— А разве это не так? Я верю только в науку, знаешь ли, и даже в ней сначала ищется выгода, а потом уже делаются исследования. К слову, об этом... — он кашлянул, отбирая мышку обратно и открывая другой файл, — Я пошёл чуть дальше, и нашу кровь проверил тоже, пока нам всё равно не выдали образцов от живорождённых вампиров, — признался Варт. Мэг одобритительно покивала — она последний человек, кто стал бы осуждать его за излишнее исследовательское любопытство, Мирослав это знал. Тем более, они оба добровольно взяли несколько образцов своей крови и положили на хранение.

— И что там? — спросила она, не скрывая интереса в голосе, — Есть что-то, стоящее нашего внимания?

— Ну... Могу поздравить — мы с тобой иммунные, — он кивнул на экран, — Не зря умерли, так сказать. И это всё

несмотря на заявления Лукаса о том, что моя ДНК почти не отличается от человеческой, — он неловко приподнял очки, потерев глаза большим и указательным пальцами, потому что те начинали болеть от долгого сидения за компьютером, — А это значит, что если прививать людей нашим вариантом сыворотки, то они не будут превращаться в монстров. Но, скорее всего, просто умрут во время атак мертвецов от тех, кто привиться откажется. Как-то о таком повороте для сверхов Новый Рассвет не подумал, ха?

Она нахмурилась. Выходило действительно не очень умно — мертвецы были бездумной, но очень разрушительной силой, которую сложно было как-то контролировать. И им было всё равно, человек ты, оборотень или маг. Пока в тебе есть тёплая кровь, они не побрезгуют на тебя напасть.

— Всё равно такая прививка звучит как хоть какое-то решение, не находишь? — попыталась зацепиться за эту соломинку Маргарет.

Варт горько рассмеялся, покачав головой.

— Не нахожу, Мэг. Вот совсем. Не звучит это, как решение. Нас просили найти что-то, что может обратить последствия, а не предупредить их. С этим уже опоздали, поезд ушёл. Да и... — он убрал руку, очки сползли на кончик носа, и он посмотрел на неё поверх них, — Как бы мы не шли, что бы мы не делали... Новый Рассвет всё равно добьётся того, что хочет, верно? — он откинулся на спинку стула, — Надо было выбирать сторону победителей, а я вдруг резко совесть

отрастил, как будто уже не прожил всю жизнь в стране оккупантов...

— Не говори так, — покачала головой она, — Как бы там ни было, то, что они делают — это неверный путь. Нельзя взять и решить все проблемы, делая других против воли теми, кем они не являются. А остальных — убивая.

— Люди напортачили во времена костров. Тебе ли не знать, — Варт посмотрел на неё долгим взглядом, почти специально надавив на болезное, но она не позволила себе отвести глаза, — Раньше НР просто пропагандировали свою расистскую хуйню, но, у меня возникает ощущение, что как раз после этого им совсем башню сорвало. И поделом. Жестокость и ненависть порождают только ещё большую жестокость и ненависть. Уж я это получше многих знаю. И теперь мы удивляемся, что они в ответ на один геноцид устраивают свой.

— Но это неправильно, — возразила Маргарет, — Кто-то должен разорвать этот порочный круг.

Варт уже и забыл, как Маргарет умеет упрямиться. А ведь они вернулись к тому, с чего начали — противостояние разных подходов и интересов. Возможно, просто возможно, что в их взаимоотношениях ещё не всё потеряно, раз их просто отбросило на начальную точку.

Но долго об этом думать Варт не мог — да и не хотел. Он потряхнул головой, будто не соглашаясь с ней, но, на самом деле, гоня прочь непрощенные мысли. Неужели он мог что-то

испытывать к ней только так — когда они до хрипа выясняют, кто из них больше прав?

— Я думаю, сейчас просто все друг об друга опиздюлятся, а потом наступит шаткое перемирие, — Варт поджал губы, — По крайней мере, так было у нас. Но никто не вышел счастливым из этого противостояния. Все понесли потери. А пока большие дядьки это всё мутили, страдали обычные люди. Распадались семьи, — он махнул рукой, — Детей, вон, крали из страны, увозя в «лучшее» будущее. Мне успело это осточертеть ещё до того, как я толком вырос и начал сообщать. Представляешь, какой восторг я испытываю сейчас? — он кривовато улыбнулся, но смотрелось это откровенно жалко.

Мэг выдохнула и будто как-то даже сдулась, видимо, не желая больше спорить или не имея аргументов, способных покрыть личный опыт Варта, поэтому оставила этот раунд за ним.

А после, в каком-то одной ей известном порыве, обняла его, прижимая его голову к своему плечу.

Мирослав вздрогнул, напрягшись под её руками, ожидая, когда голоса в голове разорутся от физического контакта, а в него хлынут чужие эмоции, но этого, по непонятной причине, не произошло. Они не соприкасались оголённой кожей, но такой близости вполне могло хватить для вспышки его способностей. Прошла секунда, две, десять. Ничего. Он уже успел это подметить — рядом с ней голоса затихали. Он

старался не задавать себе вопросы, почему это происходит — слишком боялся ответов.

Варт расслабился, позволяя себе просто утонуть в этом ощущении заботы и даже мнимой безопасности. Что-то такое, о чём он давно позабыл.

Они замерли так на какое-то время. Варту даже казалось, что если он лишний раз вздохнёт, то эта иллюзия распадётся.

— Давай предложим Шарли вариант с другими сыворотками? — спросила тихо она, прерывая молчание.

Варт сам выпутался из её объятий и отстранился, но на небольшое расстояние. Он медленно покачал головой.

— Никто не согласится умирать и терять свою человечность ради призрачной надежды не стать мертвецом. Да и... — он вздохнул, проведя рукой по волосам, — Это не решает проблему. Всех не привить. А тем, кто уже обратился, мы помочь не сможем. Нам нужно что-то другое. Будем работать дальше...

...Когда мозги переставали варить окончательно и оставалось только ждать, пока очередные образцы выдадут провал, они торчали в той части лаборатории, где условно сделана зона отдыха, как когда-то раньше это было в Новом Рассвете. Надо же, казалось, декорации меняются, а они всё так же сидят друг напротив друга. Но проблема в том, что они оба изменились тоже.

— Ты так и не сказал, что тебе дала сыворотка, — спросила Мэг в один из таких моментов. Она сделала это буд-

то промежду прочим, не заостряя внимания, пока пила свой отвратительный сладкий чай. Варт немного удивленно приподнял брови.

— Я думал, ты уже нашла моё досье и всё изучила вдоль и поперёк, — медленно проговорил он, — Или уровень допуска не позволяет?

— Допуск не проблема, — она пожала одним плечом, — Я взломала базу. Это оказалось до смешного просто, — покачала головой Мэг, — Но в твоём досье об этом ни слова.

Варт неопределённо выдохнул тихое «ха».

— Ну, вообще-то логично, — кивнул он своим мыслям, — Пока я сидел в тюрьме, никто не знал, что я модификант. Данных с базы не было, я об этом позаботился. Анализировали тоже не брали, довольствуясь моими рассказами. Видимо, они не стали это заносить в официальные данные потом. Или в должной мере не поняли ничего, пока Сантьяго меня не осмотрел вдоль и поперёк.

Какое-то время они посидели в тишине, которая давно перестала быть между ними неловкой или гнетущей.

— Так что за сила? — первой не выдержала Мэг. Она бросила весьма красноречивый взгляд на перчатки, — Уверена, ты этот аксессуар не для имиджа носишь.

Варт знал, что она давно на них косится. Ни один дурак не носит тканевые перчатки под резиновыми лабораторными, но он даже тут умудрился отличиться. Наверняка она вспоминает тот раз, когда после одного неудачного эксперимен-

та этот «аксессуар» пропитался раствором для денатурации ДНК, но он их не снял ровно до тех пор, пока не смог достать себе чистые.

— Я... — Варт на минуту подвис, что-то взвешивая. Маргарет его не торопила, давая немного времени обдумать ответ, — А, впрочем, хочешь, продемонстрирую?

Он никому этого раньше не предлагал. Да, он лечил Химену, но там была совсем иная ситуация – речь шла о жизни и смерти. Сейчас в этом, пожалуй, не было никакой необходимости. Но ему самому хотелось кое-что проверить.

Она кивнула. Варт стянул обе перчатки, ровно одна к другой положив их на столе, разглаживая, хотя это было бессмысленно, но позволяло ему выиграть себе ещё немного времени перед тем, как прыгнуть с места в карьер.

После он аккуратно коснулся её рук, всё делая медленно, будто на самом деле обезвреживал бомбу, а не собирался применить в целом почти безопасную силу.

Сначала ничего не происходило. А потом Маргарет почувствовала прилив непонятной радости и чего-то совсем уж теплого, как будто из детства. Когда всё ещё было хорошо, и солнце будто бы светило ярче.

То, что обычно ощущал сам Варт в те минуты, когда она касалась его.

— Что... Что ты делаешь? — нахмурилась она, наконец понимая, что это не просто какое-то чувство, а что-то иное, — Это ты делаешь?

Варт медленно кивнул, улыбаясь тонко, но довольно.

— Я эмпат, — проворил он, но тут же добавил, уточняя, — Теперь. Я чувствую то, что ты чувствуешь, пока держу тебя кожа к коже, — он хитро прищурил глаза, видя её реакцию, начиная снова звучать как учёный, — И я могу влиять на твой гомеостаз, подкручивая те или иные гормоны и их сочетания, чтобы вызывать определённые чувства.

Маргарет несколько раз моргнула, осознавая его слова.

— И долго ты учишься этим управлять? — спросила она в конечном итоге, выглядя почти поражённой.

— Достаточно. Это... — он поднял глаза к потолку, раздумывая, — Не так сложно, как могло прозвучать. Я думаю, человек, не очень понимающий в метаболизме и прочих физиологических процессах делал бы это примерно так же, но описал бы более просто. Хотя, конечно, знание позволяет мне проводить более точную настройку, а не методом тыка... — он вздохнул, помрачнев, — Но обычно я хочу сдохнуть каждый раз, когда это делаю. Чувствовать чужие эмоции отстойно, когда у тебя самого крыша шуршит шифером, — он поймал её взгляд, — Но не с тобой. С тобой по-другому.

— Потому что мы одинаковые, — хмыкнула Маргарет, отведя глаза в сторону. Понятное дело, наверняка ей было странно слышать от него такое откровение, — Но я польщена.

— А что насчёт тебя? — поспешил перевести тему Варт, чтобы этот разговор перестал быть неловким. Она не знала

всего, не знала про голоса, и ему бы не хотелось, чтобы она вдруг начала копать в эту сторону, — Способности проявились?

— Не-а, — помотала отрицательно головой она, — Я получила классную регенерацию, усиленные слух и обоняние, но в остальном ничего нового. Так, небольшой апгрейд. Сразу видно, кто из нас был ближе к созданию рабочей сыворотки, — она грустно усмехнулась.

— Странные особенности, — его брови сошлись на переносице, — Мы же делали сыворотку на основе магов, а не оборотней или кого-то такого же. Да и методы наши не так уж и сильно отличались, чтобы давать такой разброс в результатах.

Маргарет пожала плечами.

— Какими бы мы с тобой не были крутыми, мы всё ещё не можем предсказать конечный продукт наших сывороток. Поэтому и такой разброс.

— Ну тогда мы с тобой и гроша ломанного не стоим, — покачал головой он, — Надо работать усерднее.

Она тихо хмыкнула, а после улыбнулась.

— Определённо... — Маргарет прервалась, потому что её телефон зазвонил, — Ой... Это Шарли, — она направилась к выходу, — Скоро вернусь, не скучай!

Дверь за ней закрылась. Варт сидел неподвижно, прислушиваясь к тишине — она звенела, как натянутая струна. А потом, на самом краю сознания, проскользнул первый шёпот.

Тихий. Осторожный.

«Ты никогда ничего и не стоил...»

Варт надел перчатки и вернулся к расчётам.

— Значит, ты работаешь с учёными из Нового Рассвета,
— проговорил Виктор, когда они, наконец, оказались одни в её комнате. Шарли, вместо ответа, отвела взгляд. Он вздохнул.

— Я... — она начала говорить, но он поднял руку, останавливая её, и Шарли поспешно замолчала.

Виктор не хотел бы перебивать её, но по первой же интонации стало понятно, что она чувствует вину перед ним, хотя и не должна. Выслушивать подобное у него сейчас просто не было сил. Все ходили за ним на цыпочках, и Ники, и Шарли, и это нужно было пресекать на корню, иначе он уйдёт в жалость к себе и никогда из этого омута уже не вернётся.

Несмотря на всё случившееся, нужно было оставаться сильным. Для семьи. И для себя.

— Прежде чем ты решишь оправдываться, я должен сказать, что я тебя понимаю. Некоторые обстоятельства действительно приводят к тому, что цель оправдывает... почти все доступные средства, — она заметно расслабилась от его слов, однако самому Виктору было не так просто это признавать. Не после всего произошедшего. Хоть большую часть он просто не помнил, внутри скребло неприятно и весьма ощутимо. Он помолчал какое-то время, собираясь с духом,

чтобы продолжить, — Они... приносят пользу?

Шарли слегка наклонилась вперёд и сложила ладони перед собой, упираясь локтями в колени, будто пытаясь дать себе время на то, чтобы подумать, как лучше разыграть имеющиеся на руках карты.

— Они стараются, — сказала, наконец, она, — Насколько это возможно. Они пытаются создать антитод. Но пока... — губы поджались, выдавая явное недовольство, — Результаты не особо впечатляющие.

Виктор вздохнул. Он не горел особым желанием её разочаровывать, но лучшее, что у него было сейчас ей предложить — это правда.

— Они не смогут, — он задумчиво посмотрел в окно. Было всё ещё странно видеть мир за ним. Как облака плыли куда-то вдаль, а солнце постепенно клонилось к закату. Что-то, чего он был слишком уж долго лишён.

— Почему...? — спросила Шарли. Он повернулся к ней. Её брови сошлись на переносице, и это выражение лица почему-то добавило ей возраста — скулы очертились более остро, а морщинки собрались вокруг губ.

— Потому что... — он хотел было продолжить, объяснить это всё ей, но передумал, прикусив язык на секунду, — Я могу с ними поговорить?

Какое-то время они сверлили друг друга взглядами.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — с сомнением спросила она.

Тон, которым это было сказано, вызвал у него желание скривиться. Ну вот опять...

— Ты думаешь, что я упаду и буду реветь, как только на горизонте появится хоть что-то, напоминающее мне о Новом Рассвете? — эта фраза была достаточно преувеличенной и даже немного грубоватой, но зато заставила её встряхнуться. Виктор горько усмехнулся, покачав головой, продолжая, — Брось это, Шарли. Я могу держать себя в руках. Я... — он замялся, — Возможно, я могу дать им стоящий совет.

Шарли вздохнула, посмотрев на него долгим взглядом, то ли оценивая в голове возможные риски, то ли думая, как лучше его переубедить.

— Ладно, — сказала она в конечном итоге, — Всё равно нам нужно по максимуму использовать все имеющиеся у нас преимущества. Но... Они должны остаться живы, — напомнила Шарли.

— Само собой, я и не собирался им вредить, — сказал Виктор, кивнув, — Расскажи-ка мне, кто они?

— Маргарет Эйдман и Мирослав Варт, — Шарли подумала, а после поднялась, открыв крышку ноутбука и что-то забила там, выводя их личные дела на экран, поворачивая его к Виктору, чтобы он мог ознакомиться, — Оба не из Кастаэрии. Работали на одной базе. Но Маргарет моя шпионка. А Варт... с ним сложнее. Но сейчас он точно против НР. Только неизвестно, находится ли он на стороне Ассоциации, или на своей собственной.

Виктор внимательно просмотрел материалы, которые ему показала Шарли. Пожалуй, новые технологии были весьма удобными. Раньше для того же самого нужно было бы идти в архив и копаться там в пыльных коробках, а она нашла то, что было нужно, за пару минут.

Его взгляд быстро выхватывал детали. У Маргарет была очень ровная дорожка к успеху, даже удивительно, что никто не заподозрил её в шпионаже. А вот про второго Шарли не соврала – с ним и правда всё было сложнее.

— С твоей шпионкой мне не о чем говорить, — задумчиво протянул Виктор, перечитав ещё раз короткую выжимку биографии Маргарет.

— Она умна, Виктор, — заметила Шарли.

— Тогда пусть докажет это кому-то другому, — отмахнулся он, — Можешь устроить мне встречу только со вторым?

— Могу, — Шарли не стала перечить. Она закрыла ноутбук и, проходя мимо, задержала руку на его плече. Виктор приложил некоторое усилие для того, чтобы не вздрогнуть. Она и так держалась рядом с ним настолько аккуратно, будто он был сделан из стекла. Нужно вести себя адекватно, — Я отведу тебя, чтобы ты не заблудился.

— В лабораториях всё так же поменялось, как везде? — почему-то спросил он, хотя понимал, что ответ вполне очевиден.

— Да, — она достала телефон, набирая номер. Секунд десять шли гудки, потом с той стороны раздался плохо разли-

чимый голос, — Маргарет, поднимись ко мне, — Шарли завершила звонок и повернулась к нему. Она прикусила губу, а после сказала, — Варт... он резковат. Со всеми. Не принимай на свой счёт.

Виктор хмыкнул с каким-то нарастающим весельем.

— В лучшие годы и я был не сахар, — напомнил он, — Как-нибудь разберёмся.

Шарли одарила его мягкой улыбкой.

— Идём. Маргарет скоро поднимется сюда, значит он будет там один.

— Ничерта не получается...! — Варт недовольно смял очередной исписанный вдоль и поперёк лист бумаги, кидая его куда-то за спину, но неожиданно попав не в мусорку, а в кого-то вполне живого, потому что от двери раздалось лёгкое «ой», которое явно принадлежало не Маргарет, — А ты ещё кт... — Мирослав захлопал глазами, когда повернулся. Всё недовольство смыло волной шока. Он видел чёрно-белые фотографии Виктора Новака и у него была слишком хорошая память, чтобы сейчас его не узнать, — Вот так парад чертовщины... — он нахмурился, на всякий случай сняв очки, будто они могли исказить реальность, — Тебя же убили, нет?

— Нет, — Виктор прошёл внутрь, разворачивая бумагу, которую Варт выкинул, — Твои бывшие работодатели держали меня на привязи, чтобы собирать материал для иссле-

дований...

— Ну нихрена себе, — перед ним в лаборатории сейчас стояла, считай, легенда, и с трудом пыталась разобрать его кривой почерк, а потому Варт без зазрения совести позволил всем эмоциям отпечатываться на своём лице, где теперь недоумение смешивалось с нарастающим интересом, — Ты пропал когда? Почти полвека назад, я читал где-то твою грустную биографию, когда изучал ваш с Вэбером магнум опус, — Мирослав покачал головой, — М-да, что-то в последнее время меня, похоже, перестанет впечатлять вообще что угодно, с такими-то резкими поворотами судьбы...

— Для восставших из мёртвых вы чудо как примитивны, — хмыкнул Виктор, наконец разобрав что-то на листе, — Даже обидно, что вы сделаны на основе моей крови...

— Ой, от восставшего слышу, — Варт скрестил руки на груди, — И, вообще-то, свою сыворотку я делал сам, и она была на крови магов, выкуси, лабораторная крыса недоделанная, — он перешёл в защиту с помощью нападения, но Виктор лишь хмыкнул, ничего не сказав, продолжая пытаться разобрать данные на листе. Мирослав недовольно цокнул языком на такое откровенное игнорирование, — Ну и поведай мне, о великий разум, что же я делаю не так, и как мне это исправить, чтобы перестать быть «примитивным»?

— Ты идёшь не в том направлении, — просто пожал плечами Виктор, параллельно поглядывая на графики, висевшие на стене за спиной Варта.

— А в каком направлении я должен идти? — с вызовом спросил он.

— Ты пытаешься создать антидот? — спросил вампир, и Варт кивнул, — Тебе не нужно создавать антидот.

Мирослав несколько раз моргнул, пытаясь прикинуть, насколько ему могла привидеться такая чушь, если он вдруг уснул за своим рабочим столом от переутомления и надыхался какими-то реагентами.

— Ой, всё, съеби отсюда, — в конечном итоге, Варт отмахивается от него, отворачиваясь, пытаясь вернуться в рабочее русло, поглядывая на те записи, которые он ещё не забраковал окончательно, — Тебе НР промыли мозги, я даже говорить с тобой не буду. Не нужно мне, блядь... Если не нужно, то нахуй я тут ночую уже почти два месяца... — он причитал себе под нос, но вампир всё равно его слышал.

Виктор понял, наконец, как это прозвучало, а потому покачал головой.

— Прости, — вдруг сказал он, чем заставил Варта обернуться, — Я не об этом... — он зачесал пальцами свои светлые волосы назад, — Я имею в виду, что ты изначально делаешь неправильную работу. Ты пытаешься сыграть не в сложение, а в вычитание, — он покрутил ладонью в воздухе, подбирая нужное сравнение, — Обратить эффект.

— Разве смысл не в этом? — переспросил Варт, — В том, чтобы из обращённого сделать снова человека.

— Нет, — отрицательно помотал головой Виктор, — За-

чем ты идёшь по пути отката эффекта, если можно сделать сыворотку, обращающую любое создание в человека?

Варт посмотрел на него, как на умалишенного, что, в общем-то, было не мудрено – Виктор когда пропал? Почти шестьдесят лет назад? Кто, пробыв столько времени в плену, останется в своём уме?

Тем не менее, Варт нашёл в себе силы постараться объяснить ему, где именно его логика давала трещину:

— Люди такая херня, знаешь, *Витя*, как белая краска, — Виктор поморщился от сокращения имени на бильский манер, но Мирослав продолжил, — Хотя ты голову разбей, а нельзя из других цветов намешать белую, блядь, краску! — под конец речи он окончательно разошёлся, всплеснув руками. Этот разговор начинал его подбешивать, а нервы готовы были взорваться, оголённые постоянными недосыпами и недоеданием из-за банального отсутствия времени хотя бы вспомнить про еду, не то, чтобы поесть.

Виктор выслушал его со стоическим спокойствием на лице.

— Люди не краски, — напомнил он, будто это не было и так очевидно. Он подошёл к одному из графиков на стене, проведя ногтем по кривой роста, — Я шестьдесят лет слушал, как они думали, — сказал он тихо, — Что они искали, что упускали. Они гонялись за фрагментами, потому что у них постоянно поджимали сроки. А у меня было только время. И я мог смотреть на целое.

— И что ты там надумал за это твоё время? — спросил Варт, не сильно впечатлённый чужой слезливой историей, хотя, признаться, он старался просто не допускать мысли о том, какой это всё ужас — столько времени не принадлежать себе.

— Что обращение — это не добавление чего-то нового, — он обернулся, — Всё то, чем являются сверхи, уже есть в человеке. Вы не добавляете что-то новое. Вы будите то, что уже есть, усиливая это, — Виктор снова задумался, подбирая более валидное сравнение, — Хорошо, давай на уровне проклятий. Почему от ликантропии можно избавиться? Если ты не родился оборотнем, а получил проклятие, эффект обратим, это было известно ещё в моё время.

— Там прекращается экспрессия определённых генов... — Варт нахмурился. Его мозг резко заработал в противоположном направлении, — Что ты сейчас пытаешься мне, блядь, сказать?

Виктор, кажется, остался доволен такой реакцией на свои слова.

— Люди — это не просто чистый холст. Это холст, на котором есть всё, нужно просто найти способ сделать определённые участки акцентными, а другие затемнить.

Молчание затянулось. Варт смотрел на свои руки — на перчатки, которые он носил, чтобы не чувствовать чужое.

— Метилирование, — сказал он наконец, почти шёпотом, — Можно начать метилирование этих генов... — его гла-

за вспыхнули новой догадкой, — Не удалять, а заглушать. Оставить их в ДНК, но выключить экспрессию...

— Ага, — просто кивнул Виктор, а после нахмурился, — Наверное. Я не знаю, как далеко шагнула наука за это время, но логика должна быть примерно такая.

— Ебать ты гений, — фыркнул, наконец, Варт, — Это из-за того, что ты вампир?

— Нет. Просто оказался тем, кто пробыл чужой пробиркой на протяжении полувека, — Виктор тяжело вздохнул, — Просто надеюсь, что мои наблюдения тебе помогут. Тогда хоть что-то было не зря.

— Может и помогут... — Варт задумался, — Но поможет ли это тем, кто уже обратился в мертвецов? Их мозг ведь уже... — он покрутил двумя пальцами у виска.

— Начал подгнивать? — усмехнулся Виктор. Варт кивнул, — Тогда работай дальше. Ты же у нас учёный.

Варт рассмеялся. Коротко, и даже для самого себя неожиданно.

— Мне надо позвать Маргарет, — сказал он.

— Она у Шарли, — Виктор направился к двери, — Попрошу её вернуться к тебе...

... Варт с Маргарет не спали следующие несколько ночей. Но у них, наконец, начало хоть что-то получаться. По крайней мере, лабораторные опыты показывали неплохую динамику... А потом...

— Мэг... — он выдохнул тихо, — Посмотри на третью

колонку.

— Смотрю, — она сощурилась в экран, — Что?

— Нет роста. Ноль.

— Это... — Маргарет запнулась, — Опять ошибка?

— Я перепроверил четыре раза, — он поджал губы, чтобы справиться с эмоциями, смотря на данные и не веря своим глазам, — Мэг... мы смогли, Мэг.

— Ой, не сглазь, пока не проверили на обращённых! — она хлопнула его по плечу – не больно, но ощутимо. Её голос был переполнен эмоциями. Она прикрыла рот ладонью, будто это могло скрыть её волнение, — Невероятно...

— С каких это пор ты суеверная? — удивился он первой фразе, подняв на неё глаза.

— С тех пор, как ты умер, — проговорила Маргарет, а после поймала его недоумевающий взгляд, потому что это ничего не объясняло, — Что? Мне стало интересно, и я искала кое-что о твоей культуре. К слову, у Граусии что, какой-то пунктик на ненависть к архивам? Почему почти ничего невозможно найти в открытом доступе?

— У нас привыкли многие вещи передавать из уст в уста, — решил не заострять он внимание на том, что Мэг заинтересовалась культурой страны из-за него, — Мало кто брался за то, чтобы записывать. Такой культурный код, — Варт пожал плечами, — Можно получить его только прожив в Граусии какое-то время.

— Какая же ерунда, — цокнула недовольно языком она,

вызвав у него лёгкую усмешку.

— Если хочешь что-то узнать, можешь спросить у меня, — он развёл руки в стороны в странном приглашающем жесте, — Теперь у тебя есть относительно живой и относительно носитель этого культурного кода. Относительно, потому что я там мало пробыл, и то, в самом детстве.

Маргарет посмотрела на него долгим взглядом.

— Хорошо, — сказала она в конечном итоге, — Спрошу у тебя, если будет что-то интересно, — он кивнул, хотя понял — она спросит только то, что можно спросить, не задев ничего внутри него. А когда дело касалось Граусии, спектр таких вещей резко сокращался. И он не знал, благодарен ли ей за это или нет, — Но для начала, нам было бы неплохо всё-таки протестировать нашу разработку на обращённых.

— Угу, — кивнул Варт, зевнув, — Скажешь Шарли?

— Скажу, — Маргарет покачала головой, и взгляд её был тёплым, когда она смотрела на Мирослава, — Иди спи, немошь.

— С удовольствием...

Варт поднялся на свой этаж. Ему казалось, что успех его опьянял. Это был не первый такой раз, но сейчас положительный результат ударил куда сильнее — потому что за этими цифрами стояла возможность спасти чью-то жизнь, а не просто его очередной тщеславный научный триумф.

Он завернул на кухню, вдруг заметив, что там горит свет. За столом сидел Генри, что было удивительно, потому что в

такое время все уже должны были спать.

— Ого, я уж думал, ты там с концами пропал, — начал Генри, усмехнувшись, — И что теперь спишь в лабораторном шкафчике. Как успехи? — Мирослав подошёл ближе и вдруг неожиданно схватил его обеими руками за плечи, заглянув в глаза с каким-то нездоровым блеском. Генри нахмурился почти испуганно, — О боже, ты чего? У тебя смертельная болезнь и тебе осталось жить три секунды? Что это за проявления тактильности такие?

— Ой, иди ты, — беззлобно отмахнулся Варт, отступая, — Просто хотел сказать, что у нас получилось.

— Подожди... — глаза Генри стали точно такими же, как были у Варта секунду назад. Он подорвался, и стул, на котором он сидел, опрокинулся, но никто из них не обратил на это внимания, — Вы сделали то, что нужно? Антидот?

Мирослав усмехнулся, оценивая выражение лица Генри, полное какого-то щенячьего восторга. Было приятно видеть, как человек, успехам которого он завидовал всю жизнь, признаёт его достижения с такой открытой радостью.

«*Ты плохой друг...*» — промелькнул голос в голове, заставив улыбку на его лице дрогнуть, а настроение чуть омрачиться.

— Не совсем антидот, но да, мы создали сыворотку, которая должна превратить мертвецов обратно в людей... — пояснил он чуть тише, но теперь Генри уже кинулся обниматься, поднимая Варта над землёй своими ручищами, — Ауч!

Я уже сто раз пожалел, что вообще решил тебя трогать, поставь меня на место, а!

Генри рассмеялся, но всё же отпустил его, отступая на шаг.

— Поздравляю, — искренне сказал он, — Я всегда знал, что твой гениальный мозг может решить любую проблему!

— Конечно, я же лучший, — хмыкнул Варт, задрав подбородок.

— Не, это я лучший, — Генри точно так же задрал подбородок, будто они устроили только что какое-то состязание, кто из них будет выглядеть нелепее, — А ты... второй лучший.

Варт закатил глаза, а после ткнул его пальцем в перчатке под рёбра. Потом ещё раз, зная, что это одна из самых больших слабостей Генри. Тот согнулся пополам, непроизвольно хихикая, и попытаться закрыться руками.

— А ты вообще не менялся с подросткового возраста, да? — торжествующе произнёс Мирослав, — Оброс щетиной и мышцами, а в голове всё такой же остался...!

Они услышали тихий перестук, из-за чего почти синхронно обернулись и застыли, как два оленя в свете фар. В дверном проёме стояли Орион и Химена.

— Орион, ты это записал? — спросила она, продолжая смотреть на них насмешливым взглядом.

— Да, рекрут Химена, я записал, — голос Ориона звучал по обыкновению ровно, но Варту показалось, что под этим

он уловил какие-то нотки несвойственного веселья.

— О, блин, — Генри обречённо простонал, выпрямляясь, — Забудьте то, что видели, пожалуйста!

— Никак нет, Генри, — Орион обратился к нему неофициально, так, как они договорились на их последнем на данный момент задании, — Хорошие отношения между конкретными индивидами сказываются положительно на динамике всей команды.

— Лукас тебе не говорил, что подсматривать нехорошо, Орион? — назидательным тоном сказал Мирослав. На секунду Орион нахмурился.

— Нет, — выдал он абсолютно без задней мысли, — Но мы находимся в зоне общего пользования, а это значит, что вы были уведомлены, что здесь может находиться кто-то ещё.

— Какой кошмар, зачем ты такой умный вообще... — выдохнул Варт, а после поймал взгляд Генри, — Что?

— Теперь ты понимаешь, как иногда звучишь для меня?

— Ой, завались, а? — он цокнул языком, — Вы чего вообще все не спите?

Химена пожала плечами.

— Вы шумные, — просто сказала она, — Но, на самом деле, пока ты чалился в лаборатории, мы тут все режим посбивали. Всё равно делать нечего, какая разница, когда спать?

— Счастливые люди, — тяжело вздохнул Варт, ощущая, как усталость накатывает снова.

— А где твоя женщина? — спросила вдруг Химена, — Я

думала, вы срослись, как сиамские близнецы.

— Она пошла говорить Шарли о наших успехах. А я, вообще-то, пришёл спать, — он зевнул, а после направился в сторону своей спальни, — Спокойной ночи.

— Мир, — Генри окликнул его, и Варт обернулся, — Это правда сработает?

— Не знаю, — сказал он честно, — Но направление верное.

Генри кивнул ему вслед, и Варт на секунду задержался на пороге — хотел обернуться, сказать что-то ещё, но передумал. Он прошагал в свою комнату и быстро закрыл дверь. Прижался лбом к холодной поверхности и считал: раз, два, три. До десяти голоса ещё шептали у края. До двадцати — пробовали громче. До тридцати он уже не считал, а стоял, сцепив зубы, и ждал, когда они уйдут. Или, когда он перестанет их слышать.

Этой ночью он не спал до рассвета.

Глава 3

День медленно клонился к закату. Захудалый бар в районе, в который в такое время здраво опасались ходить даже самые отъявленные ублюдки, был почти пустым. Бармен, который в ширине плеч мог сойти и за двух человек, протирает стаканы, а за стойкой полусидел-полулежал какой-то завсегдатай, навряд ли хоть иногда бывающий трезвым даже для разнообразия. Ещё несколько посетителей рассредоточились по всему помещению, стараясь сидеть на максимально возможном расстоянии друг от друга – это создавало несколько сомнительное, но всё же ощущение приватности.

В тени, за небольшим столиком, согнувшись над столешницей, тихо переговаривались два демона.

— Почему ты не сказал, что они сделали эту мерзкую сыворотку ещё более поганой? — Велиал окинул Сееру пренебрежительным взглядом. Выглядел тот... Ну, скверно. Для демона, которому любые физические травмы должны были быть по плечу, он казался чрезвычайно побитым жизнью. Не то, чтобы Велиал ему сочувствовал – скорее в меру испытывал отвращение от того, что кто-то так позорит сам их вид одним своим жалким существованием. А с другой стороны...

С другой стороны, где-то глубоко внутри, он испытывал почти голый, экзистенциальный ужас от того, что кто-то из высших демонов превратился в половую тряпку, заключив

одну-единственную неудачную сделку. Велиал был слишком стар, чтобы самонадеянно считать, что такое случается только со слабыми дураками и что он-то уж точно никогда не попадётся в такую ловушку. Попасться мог любой. И именно это пугало.

— Я не знал, — скривился Сеера, и дёрнул уголком треснувших, пересохших губ. Ранка от постоянных нервных покусываний снова открылась, и капля почти чёрной крови выступила, блеснув в приглушенном свете, — Я не могу знать всё.

— Нужно было постараться узнать! — давил дальше Велиал, вскинув глаза к потолку, надеясь, что этот жест хоть немного поможет снизить то количество раздражения, которое он испытывал сейчас, — Это же важная информация. У нас с тобой общая цель — прикрыть эту контору, — он посмотрел на Сееру, и тот встретил его взгляд прищуром, не обещающим ничего хорошего. Тем не менее, Велиала это не остановило, и он продолжил, — Они нарушают порядок вещей, — он постучал когтем по столу, — Это может помешать нашим планам...

Сееру его тон окончательно взбесил. Это стало понятно по тому, как дёрнулись его брови и распахнулись глаза. На секунду там даже мелькнуло что-то первобытное, что-то, что, как казалось Велиалу, было в Сеере давно утеряно, но он, по всей видимости, ошибался.

— О, наши планы? — протянул он почти издевательским

тоном, — Я и так сильно рискую, помогая тебе. А я знаю, что тебя только твоя шкура беспокоит и ничего больше...! — на них устремили взгляд бармен и то небольшое количество посетителей, которое тут было, а потому следующую фразу Сеера проговорил уже тише, но его голос шипел, сдерживая ярость, будто перед Велиалом сидела змея, — Тебе плевать на высшую миссию, ты уже давно не интересуешься этим. Если бы не девчонка, ты бы уже лет сто назад ушёл в закат, как Феникс!

Велиал внимательно на него посмотрел, про себя надеясь, что долгий взгляд поможет осадить этого вспыльчивого дурака.

— А тебя, как будто, беспокоят проповеди нашего местного сумасшедшего, а не сохранность того, что от тебя осталось? — спросил Велиал расслабленно, отпивая крепкое пойло из своего стакана.

Слова Сееры его абсолютно не задели, хотя доля правды в них всё-таки была — сейчас ему уже не очень хотелось участвовать в славной кампании, организованной их самопровозглашённым предводителем. Когда-то они несли разрушения, меняли миры, строили что-то своё. У них было много последователей, их боялись, их уважали, их *боготворили*.

А что теперь? Теперь они тихонько отсиживались, как мыши в крыпе, не отсвечивая, ожидая отмашки от главного. И это всё шло так долго, что кто-то из них успел несколько раз прокатиться в Небытие и обратно, кто-то — обрасти сделка-

ми, а кто-то даже завести семьи и детей.

О них подзабыли. Их больше не боялись, их имена не внушали ничего, кроме какого-то налёта старины, и Велиал эту позицию, увы, не разделял.

— Не говори так о нём, — предупреждающе прошептал Сеера, будто их могли подслушивать, и Велиал решил переключить внимание на что-то другое – всё-таки, тема была действительно скользкая, и на эту территорию лишний раз лезть не стоило.

— Ладно, предположим, ты правда веришь в нашу чудесную миссию. Но посмотри на себя, — Велиал рукой обвёл его фигуру, ссутулившуюся над столом, будто призывая Сееру повнимательнее взглянуть на то, чем этот демон теперь являлся, — Ты жалок. Заключил глупую сделку и получаешь заслуженные последствия.

Всего на секунду Сеера отвёл взгляд, но не позволил этой манипуляции заткнуть его окончательно.

— Даже если так, — упрямо поджал губы он, признавая своё поражение, но продолжая настаивать, — Я всё равно делаю много, — он прищурился, наклонившись через стол ближе к Велиалу, и следующие слова прозвучали тихим, но очень вкрадчивым тоном, — И на кону стоит моя жизнь, а не твоя.

— И что? — скривился Велиал, откинувшись назад ещё сильнее, не особо довольный, что его личное пространство было так бестактно нарушено, — Почему не пожалуешься

большому папочке, раз уж ты такой преданный последователь его идей? Едва ли он откажет тебе в помощи, бросать своих – не в его правилах.

Сеера поморщился. Конечно, он уже думал о таком варианте развития событий, и даже чересчур много раз, но приходил к одной неутешительной мысли – сделку не разорвать, пока её условия соблюдаются. И едва ли хоть кто-то мог ему в этом помочь.

— Я не хочу втягивать в эту дерьмовую ситуацию ещё и Мортицифера, — он тяжело вздохнул, устало проводя ладонью по лицу. Сеера взял свой стакан, но даже не отпил, просто поднёс к губам, и следующая фраза прозвучала как-то глухо, — Только его присутствия для полного счастья не хватает. Если Вильгельм узнает, что я ищу помощь со стороны, он взбесится ни на шутку...

Велиал изогнул бровь в лёгком непонимании, чем вызван такой страх.

— Ты боишься, что он тебя изгонит? — прямо спросил он. Но ожидаемой реакции в виде согласия не последовало – демон глядел на него, как на альтернативно одарённого.

— Велиал, — Сеера посмотрел ему прямо в глаза, проговаривая медленно, — Я молюсь матери каждый день, только чтобы он меня, наконец, изгнал.

Такая фраза, сказанная безапелляционным тоном, заставила его не на шутку встревожиться, но внешне он этого никак не показал.

— Если уж всё так плохо, почему сам не прочитаешь изгнание? Или не попросишь кого-то это сделать? — Сеера долго молчал после этого вопроса, потом пару раз закрыл и открыл рот, но так ничего и не произнёс, вообще ни одного звука не издал, и Велиал, наконец, понял, в чём дело, — Он запретил тебе это делать прямым приказом? — Сеера снова не ответил, и это стало более, чем ясным, — Интересная ситуация, конечно, — демон покачал головой, — Ладно, не кисни. Если он не даёт тебе самоизгнаться, навряд ли он решит лично отправить тебя в Небытие. А это, разве, не самый плохой исход? Он ведь не настолько силён, чтобы убить тебя.

Тут Сеера наконец отмер. Видимо, темы, на которые ему запрещено было разговаривать, закончились.

— Ты не знаешь, о чём говоришь... — прошептал демон, — Он псих. И очень силён. А ещё он точно придёт за твоей девочкой, потому что ненавидит её... — Сеера наконец сделал глоток из своего стакана, поморщившись, — Как у вас, кстати, дела? — спросил он вдруг, видимо, решив сменить тему, пока они не наткнулись ещё на что-то, о чём говорить ему было нельзя.

Велиал очень недовольно поджал губы.

— Ну, — протянул он, нарочито скупающе, будто предмет их обсуждения вообще был ему ни капли не интересен, — Её муж вернулся после невероятно долгого отсутствия. Наверное, теперь она будет счастлива, — демон задумчиво крутил свой стакан в руках, рассматривая содержимое. Снизу

всплыл какой-то мутный осадок, поблескивающий на тусклом свете, и это зрелище заставило Велиала брезгливо поморщиться.

— И ты так просто отступишься от своего? — хмыкнул со скепсисом во взгляде Сеера, — Я думал, она твоя самая большая слабость, ради которой ты готов через многое переступить и даже отбросить некоторые свои принципы. А теперь ты просто... сдаёшься? Ну и кто из нас тут жалок?

Велиал нахмурился и едва сдержал внутри рвущийся рык. У Сееры была какая-то сверхъестественная способность выводить людей из себя, и теперь, когда Велиал об этом вспомнил, ему на секунду даже отрубилло вдруг проснувшееся сочувствие, потому что если Вильгельм стучал ему в бубен за дело, то, по всему выходило, что даже это Сееру ничему не учило. Случай становился исключительно клинический, пациент, как правило, лечению или перевоспитанию не подлежит.

— А что мне делать? — всплеснул руками он, наклонившись вперёд, — Когда я заводил отношения со смертной, я как-то забыл, что, если я исчезну на пару лет — это для меня будет, как за хлебом выйти, а для неё это чуть ли не целый жизненный этап... — он прикрыл глаза и с силой втянул воздух сквозь стиснутые зубы, пытаясь не распаляться ещё сильнее, — Я вернулся, попытался найти её, потратил на это слишком много времени, а когда нашёл, то оказалось, что она уже успела сбежать из магического сообщества, скрыть-

ся в Ассоциации, выйти замуж и даже родить ребёнка. Что я должен был сделать? Прийти и сказать «привет, помнишь меня, я наконец созрел для того, чтобы провести всю твою смертную жизнь с тобой»? — он залпом выпил всё, что осталось в его стакане, поморщившись, когда осадок неприятно заскрипел на зубах. Велиал отставил стакан, отведя взгляд куда-то в сторону, и следующая фраза прозвучала очень тихо, — Звучит, как бред, ну согласись...

Сеера издал странный звук. Потом ещё раз, заставив снова на себя посмотреть на случай, если ему стало плохо и его в срочном порядке нужно добить из жалости. И Велиал, даже смотря прямо на него, не сразу понял, что это тихий смех, а не звук агонии.

— О мать... мне бы твои проблемы, — он явно испытывал веселье, и Велиал несколько раз растерянно моргнул, утратив весь горько-ностальгический настрой. С одной стороны, ему бы оскорбиться, но с другой... Сеера давно выглядел, как живой труп, которому осталось недолго. Печати сдерживали его силы не так крепко, как у Велиала, но Сеера всё равно угасал из года в год. Сейчас видеть его... таким, было странно. Он почти отвык от того весёлого придурка, которым этот демон был столетия назад.

— Слышь, хватит угорать, лошадь, — чисто для галочки недовольно проговорил Велиал, — Я тут с тобой сокровенным делюсь. А ты об этом, между прочим, сам спросил.

— Я конь, вообще-то, сам ты лошадь, — продолжая ве-

селиться, ответил Сеера. Но почти через мгновение тяжело вздохнул, перестав улыбаться так резко, будто кто-то потянул за невидимые ниточки, стирая это выражение с его лица, — Ладно, мне пора. Если что-то узнаю, сообщу, как обычно... — он положил на стол несколько купюр, — И, Велиал... — он подождал, пока демон поднимет на него свой взгляд, — Береги свою девочку. Потому что ничего хорошего впереди ей не светит. Это точно.

Он ушёл, оставляя Велиала наедине со своими безрадостными мыслями. Бар пустел, и демон тоже поспешил покинуть заведение.

Ночной воздух приятно ворвался в лёгкие после тяжелой духоты бара. Было прохладно, но температура никогда не имела для него особого значения – он любил вечера, стараясь не задумываться, с каких пор он стал равнодушен к времени суток.

Велиал поднял глаза вверх – туда, где должно было быть видно звёзды, но из-за городских огней те казались лишь мелкими точками, рассыпанными по полотну вечности.

В Небытие не было звёзд. Там не было света. Там не было звука. Там не было... ничего.

Но он хранил глубоко воспоминание о том периоде своей жизни в физическом мире, где всего этого было в избытке...

Зала была освещена множеством огней – большая часть магического происхождения, но были и свечи. Маги, по ка-

кой-то неизвестной причине, до последнего сопротивлялись переходу на электричество. Велиал находил эту глупость почти очаровательной — прогресс обычных людей было не остановить, даже если эти снобы-маги приложат все усилия, пытаясь его затормозить.

Но пока они не делали даже этого, только лишали себя возможного комфорта из-за каких-то устаревших убеждений, хотя давно было пора признать, что времена сверхсуществ подходят к концу, и что человеческий род не такой уж безнадежный, как им хотелось думать.

— Мисс Вандербург, очень рад знакомству, — Велиал тонко, вежливо улыбнулся, целуя тыльную сторону её ладони, как настоящий джентльмен, когда их представили друг другу на этом небольшом мероприятии для магической аристократии.

Он не был частым гостем в таких местах, но сейчас ему поставили задачу вести себя хорошо и налаживать связи, и иногда следовало не пренебрегать своими обязанностями, чтобы не получить нагоняй от Мортицифера. Хотя бы пару раз в столетие можно было и подыграть в этом цирке.

Шарли улыбнулась в ответ, скромно, как и полагается улыбаться юной леди. Она держала безупречную осанку и, из-за небольших каблучков, ростом почти сравнялась с самим Велиалом. Каждый её жест был наполнен грацией, из-за чего возникало какое-то неземное ощущение, будто она сделана из чистейшей энергии. Не к месту демон вспомнил

правую руку Мортицифера – Белладонну, и у него возник жесточайший резонанс. Донна была воином до мозга костей, в ней не было грации, её чистейшая энергия была направлена на разрушения, и потому Мортицифер всегда отдавал предпочтение ей – место подле него было зарезервировано задолго до того, как сам Велиал примкнул к ним. Шарли же выглядела так, будто она – квинтэссенция созидания, чего-то прекрасного.

— Мистер Велиал, — ответила она, мягко кивнув, когда он отпустил её ладонь, задержавшись непозволительно долгим взглядом на её лице.

Тогда Велиал ещё не так много о ней знал – только то, что она наследница рода огненных магов, что следовало из её фамилии, и что она использует какие-то совсем простецкие травяные духи, что было не очень свойственно аристократии.

Далее её персона в его глазах стала обрастать всё новыми чертами и подробностями по мере их знакомства и его нахождения в среде магов. Чрезмерное любопытство к человеческой культуре. То, как загорались её глаза, когда речь заходила о науке, что вообще-то являлось чуть ли не табуированной темой среди магов. Её лёгкий смех. Хрупкость, странно сочетающаяся с её высоким ростом.

В тот момент ему казалось, что он в состоянии составить методичку о ней, и это его забавляло.

Но он не видел самого главного перед носом, ведь лишь

через несколько месяцев узнал, что Шарлотта – невеста Светоча.

Неприятный титул, который носили достаточно неприятные персоны, будто скверный характер передавался у них по наследству. Эта семейка была тем ещё пятном на спокойном и мирном сосуществовании демонов и магов. Люцерна заграбастала себе в пользование Сееру ещё до того, как магическая аристократия заключила договор о ненападении с демонами.

И всё это невероятно нервировало Мортицифера, а потом, по цепочке, и всех остальных демонов из его небольшой «армии спасения».

Да и свет, который несли Светочи, всегда был противоположен той тьме, которая питала созданий Небытия, поэтому у Велиала было достаточно причин испытывать если не ненависть – исключительно, потому что для неё нужно было очень много энергии – то хотя бы неприязнь к роду Винченко.

В копилку доводов теперь добавилось и то, что сын Люцерны – Вильгельм, тот самый наследник титула Светоча, должен был стать мужем Шарли.

Ему заранее было жаль девчонку. В целом, выходить замуж за кого-то, с кем тебя обязывает быть положение – сомнительная радость, но, судя по рассказам Сееры, семейка и изнутри была довольно противной.

Не то, чтобы Сеера был надёжным источником – но и ны-

тиком он бы его никогда не назвал, так что навряд ли тот придумывал что-то из своих рассказов просто для приукрашивания. Да и зачем? Велиал и так, и эдак не стал бы его жалеть, разве что посмеялся бы, да и забыл.

И вот, впервые за долгие годы, Велиал смотрел на кого-то и чувствовал, что хочет банально защитить от готовящейся участи.

Это было... странно. У него было уже двое детей, и недавно родился ещё один, но он совершенно не чувствовал ничего подобного даже к своим отпрыскам. Возможно, потому что знал – те были достаточно сильны, чтобы противостоять миру и защитить себя, а если не были – то самое время умереть и не позорить его.

Руби, старшая, была впечатляющей. Иногда он даже удостаивал её своим присутствием, но, чем старше она становилась, тем меньше было её желание с ним пересекаться. Сэл был куда менее способный, а про младшего, которого он называл Корал, пока сказать было нечего.

Он редко посещал их. А вот с Шарли они теперь пересекались на каждом собрании аристократии, которые он на данный момент не пропускал, и в какой-то момент он понял, что с нетерпением ждёт их встреч. Это было не в его стиле. И это было опасно. Он никогда не привязывался ни к кому, даже братья по оружию были братьями ровно до того момента, пока не становилось выгоднее их предать. За что он ни раз и ни два был изгнан Мортицифером из их небольшого круж-

ка по интересам. Но каждый раз, стоило пройти несколькими сотням лет, и тот остывал, разрешая Велиалу снова вернуться. Теперь у того была новая идея фикс, и потому он не разбрасывался никакой помощью. В том числе и той, которую предлагал ему Велиал.

А сейчас глупая молодая чародейка вдруг заимела над ним такую власть, которая не снилась никому. Он и сам себе не мог точно ответить, что в ней было такого особенного, но... ей удавалось разогнать его скуку. Велиал забывал о времени, когда разговаривал с Шарли. Забывал о дурацких приказах. О том, что опять на что-то злиться. Может, он и не испытывал что-то к ней – ему просто нравилось то, каким рядом с Шарли становился он сам.

В очередной раз он наткнулся на неё во время званного вечера. Шарли сидела в саду, на скамье, и смотрела на звёзды. Её обдувал холодный вечерний ветерок, но она будто этого и не замечала. Велиал медленно подошёл к ней и накинул на её плечи свой пиджак. Сам он не чувствовал дискомфорта от температур, но понимал, что в этом плане маги почти ничем не отличались от людей, а, значит, сейчас ей должно было быть не особо приятно сидеть здесь.

— Что ты тут делаешь? — спросил он, когда Шарли вынырнула из своих мыслей, вздрогнув, — Тут холодно. Ты можешь заболеть. А ещё пропустишь всё веселье. Эшенфорд опять напился настолько, что начал приставать к леди Браун.

Она кинула на него благодарный взгляд и попыталась

улыбнуться, плотнее закутываясь в пиджак, только сейчас понимая, что действительно замёрзла.

— Я не... не могу веселиться, когда он там, — Велиал сразу понял, что Шарли говорила не о старике Эшенфорде, а о Вильгельме. Она тяжело вздохнула, снова отводя глаза, — Он контролирует каждый мой шаг, когда мы среди других магов, чтобы я его как-нибудь не опозорила.

— Он просто не уверенный ни в чём дурак с маниакальной жадой контролировать всё, — Велиал присел рядом с ней, но оставил небольшое расстояние между ними, которого бы всё равно не хватило для того, чтобы назвать его приличным. Всё равно тут никто обычно не ходит — поэтому Шарли выбрала именно это место, чтобы прятаться от чужих глаз.

— Я так больше не могу, — она покачала головой после недолгой паузы, — Он невыносим. Мы ещё не пара даже, а он уже относится ко мне так, будто я его собственность. Не делай этого, не ходи туда, не учись, не работай, не открывай рот, если не спрашивали... — она устало подняла глаза к небу и замолчала. И только спустя пару минут тихо добавила, — Он душит меня одним своим присутствием.

Именно так себе Велиал это и представлял, но впервые за долгое время он был не рад тому, что оказался прав в конечном итоге. Шарли была слишком живой и своенравной, чтобы не бороться, но эта борьба не приведёт ни к чему. Она отгорит, пусть на это и уйдёт какое-то время, а потом оста-

нется лишь красивая оболочка, как того и хочет Вильгельм.

Ему бы, как демону, просто пожать плечами – да, ещё одну душу сгубят правила высшего общества и принудительное замужество, много раз такое видели, дайте два.

Но это значило, что он потеряет и без того недавно приобретённый способ развеять свою бессмертную скуку. А нового он пока не нашёл...

— Давай сбежим, — неожиданно для самого себя сказал Велиал, не успев даже толком это ни обдумать, ни прикусить себе вовремя язык. Это было не его дело. Он не должен был в это лезть. Мортицифер просил его поддерживать шаткий мир, а не воровать невесту грёбанного Светоча!

Но Шарли посмотрела на него одновременно ошеломлённо и неверяще, и в глазах её заблестел огонёк надежды. И Велиал понял, что сейчас уже не сможет вернуть сказанное или обратить это в какую-то шутку. Это было бы слишком жестоко. Даже для него.

— Правда? Ты сделаешь это для меня? — удивлённо спросила она.

«О мать, и во что я только собираюсь ввязаться?» — вопрос промелькнул в его голове почти как предупреждение, как сигнал, что сейчас самое время отступить и всё обдумать, но вместо чего-то рационального, он просто кивнул.

— Да, Шарли, — ответил он тихо, — Я сделаю это для тебя.

Она посмотрела на него долгим взглядом. А после пода-

лась вперёд, сокращая небольшое расстояние между ними, и поцеловала.

Неумело и неуклюже. Велиал давно ни с кем так не целовался.

И в его голове промелькнуло не что-то низменное, сводящееся к потребностям плоти, которую он сейчас называл собственным сосудом, а почти невероятное, окрыляющее и правильное чувство тепла. Что-то, совершенно далёкое от нормальных для демона ощущений.

Это осознание вызвало почти ничем незамутнённый ужас.

Уже сидя в своём подобии дома, он думал о том, как глубоко увяз в этой истории. Ему нужно хорошо всё обдумать. А лучше – собраться с мыслями, дать себе профилактический подзатыльник и забыть обо всём. Для мимолётного увлечения она слишком сильно вплелась в его жизнь и его мысли.

Но может ли он так поступить? Просто оставить её после того, как дал обещание, от которого зависит почти вся её дальнейшая жизнь.

Это ведь даже не сделка. Раньше бы он точно смог бросить всё, ещё и посмеялся бы над её наивностью и доверчивостью. Он вероломный демон, это его стезя.

Велиал коснулся кончиками пальцев своих губ, всего на секунду, и одёрнул руку, будто ошпарившись. *Она стала его слабостью.* Эта мысль отрезвила, как ушат холодной воды, вылитой за шиворот. Это нужно было прекращать. Срочно. Пока не стало слишком поздно.

Он ещё не понимал, что *уже* было поздно.

После этого он не появился ни на одном собрании – вскоре сказал Мортициферу, что его всё достало и уехал первым же поездом в Ирэйнс. Он не видел Шарли несколько месяцев или даже больше, глупо надеясь, что ему удастся забыть её.

Руби, к которой он приехал в конечном итоге, была не особа рада его появлению, но, тяжело повздыхав, пустила Велиала в свой дом.

Она жила на краю деревни, почти у самого леса, и имела достаточно неплохую репутацию. К ней ходили за помощью, с ней считались, и она старалась держать в тайне своё полу-демоническое происхождение. Оттого присутствие Велиала было ей не очень на руку.

— Может, раз уж ты тут, то хочешь увидеть своего младшего сына? — предположила она, ведя какие-то подсчёты на грубой бумаге и попеременно ставя в корзину небольшие деревянные коробочки с травами.

— Это которого из? — уныло спросил Велиал. Он сидел напротив неё, попивая из стакана то, что ему здесь налили. Очень глупо, надо сказать. Руби ничего не стоило его отравить просто ради шутки, каких-то тёплых чувств она всё равно к нему не испытывала, а вот ведьмой и зельеваром была способным.

— Вау, у тебя всего два сына, а ты так спрашиваешь, будто их по меньшей мере дюжина, — Руби подняла на него осуждающий взгляд, — И Сэлу уже давно плевать, если тебе

интересно. Корал. Я про Корала. Ему уже шесть. И он периодически спрашивает про тебя.

— Как-нибудь потом... — Велиал отмахнулся, тяжело вздохнув.

Руби стукнула обоими руками по столу.

— Какого тогда хрена ты вообще без предупреждения заваливаешься в мой дом и уже неделю сношаешь мне мозг одним своим присутствием?! — терпение у неё всегда заканчивалось быстро. Велиал периодически видел в ней себя, таким, каким он был когда-то давно, и это одна из немногих вещей, из-за которых он испытывал к ней хотя бы не привычное отвращение, как ко всем существам физического мира, а что-то сродни признанию.

— Я... — он не знал, стоило ли говорить ей об этом, но у неё всё равно не было резона использовать эту информацию против него, поэтому демон произнёс, — Мне нужно было время подумать, — Велиал замешкался, но продолжил секунду спустя, — Вдали от... одной девицы.

Гнев на её лице сменился приподнятыми бровями.

— Ого. Что ж там за девица такая, если ты сюда прискакал, как ужаленный, и уже пару дней не замечаешь, как я наливаю тебе настойку полыни в брагу? — Руби внимательно смотрела на него. Ей было действительно интересно.

— Так вот, почему так горько. Я думал, ты просто разучилась делать пойло, — Велиал недовольно вздохнул, отставив бокал, — Но, честно говоря, мне показалось, что она слиш-

ком сильно на меня влияет. И я решил это всё обдумать...

Она вздохнула, отставляя корзину с травами, и, опираясь на стол поудобнее, пытливо всмотрелась в его лицо, что-то там ища.

— В глухой деревне в Ирэйнсе? — проговорила она медленно, разделяя слова, — Да, отличное место, чтобы подумывать. Проще говоря, ты испугался и сбежал, — Руби вскинула глаза к потолку, — Ох уж эти мне мужчины...

— А как мне стоило поступить по-твоему? — он сложил руки на груди.

— Не сбегать? — спросила она с сомнением, — Понимаешь ли, в чём штука. Она имеет на тебя влияние, да? А ты успел понять, плохое оно или нет?

Руби замолчала, ожидая какой-то реакции, но Велиал ровным счётом не понял, что именно от него хотят.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил он.

— О нет, ты безнадежен, — она покачала головой, — Я имею в виду, что у тебя есть паскудная привычка поджимать хвост и бежать от любых перемен не поняв, какие вообще перспективы у этих перемен.

— Ауч. Грубо, — Велиал поморщился от этого тона.

— Само собой, я же твоя дочь, а не чья-то ещё, — парировала она, — Не мне раздавать тебе советы, не маленький, но не попробуешь — не узнаешь, — Руби вернулась к своим записям, но добавила спокойно, — Да и навряд ли твоя девица вечная, так что у тебя ещё и есть гарантия, что это

не навсегда. А теперь поднимай свою задницу и вали нахрен обратно в Кастаэрию, — она даже не оторвала взгляд от бу-маги, — Я не буду говорить Коралу о том, что ты приезжал. Пускай ребёнок и дальше живёт с мыслью, что отец просто очень занятой демон, а не появляется на горизонте только тогда, когда ему что-то нужно...

Удивительно, но эти слова подействовали. Он собрал свои немногочисленные вещи и покинул деревню на следующее утро.

Но в тот момент, когда он всё-таки вернулся и был готов к разговору, то понял, что опоздал.

Он совсем забыл, что время в физическом мире имеет свойство бежать. Скоро должна была быть свадьба. Но её, к счастью, не случилось. Всё магическое сообщество было потрясено, но никто не хотел с ним об этом говорить. Светоч тоже больше не появлялся на людях, и это заставило не на шутку встревожиться. Не сделал же он с ней что-то...?

Велиал продолжал попытки выудить хоть какую-то информацию и случайно встретил на одном из приёмов подругу Шарли, имя которой он не удосужился запомнить. От неё пахло травяными духами, и это почему-то разозлило его, будто этот запах мог принадлежать только одной-единственной аристократке.

— Ты знаешь, где мисс Вандербург? — спросил он тихо, здраво решив, что получить информацию сейчас намного важнее, чем выразить своё негодование, — Что случилось?

— Она... сбежала, — девушка стыдливо отвела глаза, будто она была в этом виновата, — Вам лучше... лучше уйти.

Значит, Шарли ушла. Одна. Но, по крайней мере, теперь она была где-то вне досягаемости Вильгельма.

И вне досягаемости Велиала тоже.

Получается, он всё-таки её предал. Так, как делал обычно со всеми. Не изменил ни на секунду своей демонической природе. Теперь эту главу можно было закрыть и забыть.

Но почему-то он продолжал ощущать знакомый трепет и вглядывался в лица прохожих каждый раз, когда мимо проходил кто-то с терпкими, травяными духами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.